Смерть Канарейки

Автор:
Стивен Ван Дайн

Смерть Канарейки

Стивен С. Ван Дайн

Золотой век детективаФило Вэнс #2

Стивен Ван Дайн (1888–1939)?– псевдоним Вилларда Хантингтона Райта. Этот американский журналист, издатель, искусствовед и писатель являлся автором ряда статей Британской энциклопедии о театре и изобразительном искусстве и… одним из основоположников «золотого века детектива». Он окончил Гарвардский университет. Работал редактором и критиком в газетах Лос-Анджелеса, Нью-Йорка, Сан-Франциско. Написал несколько книг по живописи, литературе и музыке. Известность они ему не принесли, и тогда Райт обратился к сочинению приключенческих романов. Его постоянный герой – сыщик-любитель Фило Вэнс, сноб, эрудит и поклонник изящных искусств. Кроме серии о Вэнсе Ван Дайн написал несколько внесерийных произведений и сценариев, а также разработал «Двадцать правил для пишущих детективы». Некоторые его романы были экранизированы.

Публикуемый в этом томе один из лучших романов Ван Дайна «Смерть Канарейки» переносит читателя в Нью-Йорк, где сыщик-любитель Фило Вэнс, литературный родственник Шерлока Холмса, блестяще пользуясь дедуктивным методом, находит убийцу звезды ночного Бродвея по прозвищу Канарейка. Помогла разрешению задачи карточная игра в покер…

Стивен Ван Дайн

Смерть Канарейки

Введение

В течение многих лет я был личным поверенным и постоянным компаньоном мистера Фило Вэнса. В этот период входят и те четыре года, которые мистер Джон Маркхэм, ближайший друг Вэнса, провел на посту прокурора Нью-Йоркского округа. В результате этого я получил привилегию наблюдать самые удивительные дела, какие только проходили когда-либо перед глазами молодого юриста. В самом деле, мрачные драмы, свидетелем которых мне пришлось быть в то время, относятся к наиболее поразительным из секретного фонда истории американской полиции. Вэнс играл в этих драмах главную роль. При помощи аналитического метода последовательного мышления, который, насколько мне известно, никогда не применялся раньше в расследовании преступлений, он разгадал многие таинственные загадки, от решения которых отказались как прокуратура, так и полиция.

Благодаря моей близости с Вэнсом, мне случалось не только принимать участие в расследовании тех дел, с которыми он был связан, но и присутствовать при большинстве относящихся к ним споров, которые происходили между ним и прокурором, и, не упуская благоприятную возможность, я вел постоянную запись этих споров. Мой добровольный труд не пропал даром, так как теперь, когда обстоятельства позволяют опубликовать эти дела, я могу описать их последовательно, во всех подробностях.

Настоящая хроника описывает раскрытие Вэнсом загадки зверского убийства Маргарет Оделл, которое известно под названием «Убийство Канарейки». Странность, дерзость, кажущаяся невозможность раскрытия этого преступления делают его одним из самых исключительных дел нью-йоркской полиции, и, если бы Фило Вэнс не принял участия в его расследовании, я уверен, оно так и осталось бы одной из величайших нераскрытых тайн Америки.

Глава 1

Канарейка

В помещении бюро уголовных преступлений Нью-Йоркского департамента полиции есть большой, обшитый сталью кабинет; хранится в нем и маленькая зеленая карточка, среди тысяч подобных ей, на которой напечатано:

«Оделл Маргарет.

184, Вест, 71-я улица. 10 сентября.

Убийство: задушена около 12 часов вечера.

Квартира ограблена. Драгоценности украдены.

Тело обнаружено Эми Джибсон, горничной».

Тут в нескольких банальных словах дано холодное, неприкрашенное описание одного из наиболее потрясающих убийств в полицейских анналах Америки – убийства настолько противоречивого, ловкого, необычного, что в течение многих дней лучшие умы из департамента полиции и прокуратуры пребывали в полной растерянности, не зная даже, как к нему подступиться. Все нити следствия вели к утверждению, что Маргарет Оделл не могла быть убита. Но тело задушенной девушки на большой тахте в ее гостиной опровергало это заключение. Правдивая история этого преступления, которая была окончательно выяснена после безотрадного периода блуждания во тьме, показала нам самые невероятные изгибы, самые темные уголки неведомой никому человеческой души и безумную изощренность человеческого ума, обостренного трагическим отчаянием. Она приоткрыла нам страницу из драмы страстей, которая по своей сущности была не менее романтичной и увлекательной, чем та яркая, полная театральности часть «Человеческой комедии», повествующая о любви барона Нусингена к Эстер Гобсек и о трагической смерти несчастной Торпиль.

Маргарет возникла из полусвета бродвейской богемы – блестящая фигура, воплощавшая в себе поддельную безвкусную романтику недолговечного веселья. В течение двух последних лет своей жизни она была наиболее яркой и в известном смысле популярной фигурой в ночной жизни города. В дни наших дедушек и бабушек она могла бы завоевать несколько сомнительное звание, но в наши дни слишком много претендентов на это звание и слишком много

яростно борющихся партий в жизни, чтобы выделить таким образом кого-нибудь из среды конкурентов. Учитывая все комплименты, которыми награждали Маргарет как профессиональные, так и непрофессиональные газетчики, надо сказать, что она пользовалась несомненной славой в своем маленьком мирке.

Своей несколько скандальной известностью она частично была обязана некоторым сплетням о ее связях в Европе. Она провела два года за границей после своего первого успешного выступления в «Бретоночке» – популярной музыкальной комедии, после которой она таинственным образом поднялась из безвестности до звания «звезды». Можете себе представить, какие невероятные истории распространяли «длинные языки», воспользовавшись ее отсутствием.

Ее внешность еще более укрепляла за ней эту двусмысленную славу. Без сомнения, она была красива вызывающей, яркой красотой. Я видел однажды, как она танцевала в клубе «Энтлероз», любимом месте сборищ ночных искателей развлечений, которым заправлял человек недоброй славы – Рэд Регюн. Она произвела на меня впечатление необычайно прелестной женщины, по крайней мере внешне. Она была среднего роста, стройна, грациозна и, как мне показалось, немного безучастна и даже надменна – возможно, это было результатом ее общения с королевскими фамилиями Европы, о котором твердили повсюду. У нее были алые губы и широко раскрытые глаза, как у «Blessed Damore» Розети. В ее лице было то странное сочетание чувственности и одухотворенности, которого добивались художники всех эпох, чтобы создать образ вечной Магдалины. У нее был тот тип лица, который управляет влечениями мужчины и, подчинив себе его волю, толкает на отчаянные поступки.

Маргарет Оделл прозвали Канарейкой после того, как она выступила в остроумном балете в «Фоли-Берже», где каждая девушка изображала птицу. Ей досталась роль канарейки, и ее желтый с белым атласный костюм в сочетании с массой золотых волос и с розово-белой кожей заставил публику отметить ее необыкновенное обаяние. Отзывы прессы были так хвалебны и публика так неустанно каждый раз ее вызывала, что не прошло и двух недель, как «Балет птиц» был переименован в «Канарейку», и мисс Оделл была возведена в ранг «premiere danseuse», получив в то же время сольный вальс и песенку, чтобы специально продемонстрировать ее красоту и дарование. Она покинула «Фоли-Берже», когда закрылся сезон, и в течение всей своей последующей карьеры в ночных притонах Бродвея сохраняла за собой ставшую популярной кличку Канарейка. И когда она была найдена мертвой у себя в квартире, преступление

немедленно стало известным под названием, которое сохранилось за ним и впоследствии, – «Убийство Канарейки».

Мое собственное участие в следствии по делу об убийстве Канарейки, вернее, мои наблюдения за ходом этого следствия, – один из самых памятных эпизодов в моей жизни. В то время, когда было совершено убийство, пост прокурора Нью-Йоркского округа занимал Джон Ф.-К. Маркхэм, вступивший в эту должность в январе предшествующего года. Едва ли мне нужно напоминать вам, что за те четыре года, что он провел на этом посту, за ним укрепилась громкая слава искусного расследователя преступлений. Однако похвалы, которыми его постоянно осыпали, были ему чрезвычайно неприятны: будучи человеком высокой честности, он инстинктивно уклонялся от почестей за заслуги, которые принадлежали не ему одному. В действительности Маркхэм играл всего лишь второстепенную роль в расследовании большинства своих знаменитых случаев. Заслуга их истинного раскрытия принадлежит одному из очень близких друзей Маркхэма, который в то время отказался опубликовать факты.

Этого человека я вынужден назвать вымышленным именем – Фило Вэнс.

Вэнс был удивительно одаренным человеком. Он немного занимался коллекционированием предметов искусства, был прекрасным пианистом, глубоко изучил эстетику и психологию. По происхождению американец, он получил образование в Европе, и в его речи еще сохранился легкий английский акцент и интонации. Он обладал значительным независимым состоянием и, происходя из высших кругов общества, должен был для поддержания фамильных связей тратить много времени на выполнение своих светских обязанностей, но он не был ни бездельником, ни дилетантом. Он держал себя холодно и с некоторым цинизмом; те, кто встречался с ним, считали его снобом. Но те, кто знал Вэнса близко, так, как я, видели настоящего человека под его внешностью, и я знал, что холодность и цинизм были бессознательными проявлениями одновременно чувствительной и одинокой натуры.

Вэнсу не было еще тридцати пяти лет, и он обладал замечательной наружностью. У него было тонкое, подвижное лицо, но на нем, как преграда между ним и его приятелями, сохранялось суровое, сардоническое выражение. Он не был лишен чувствительности; но его эмоции носили главным образом интеллектуальный характер, хотя я несколько раз наблюдал у него бурные приливы энтузиазма при решении той или иной эстетической или психологической задачи. Впрочем, он действительно производил впечатление

человека, далекого от мирских дел, смотрел на жизнь, как бесстрастный отвлеченный наблюдатель следит за ходом пьесы, внутренне цинично насмехаясь над ее бессмысленностью и бесполезностью. Но у него был жадный к знаниям ум; лишь немногие детали «человеческой комедии» ускользали из поля его зрения.

То, что он чрезвычайно, хотя и совершенно негласно, заинтересовался раскрытием преступлений, и явилось прямым следствием его живой пытливости.

Я вел полную запись всех дел, в которых Вэнс принимал участие в качестве amicus curioe[1 - Заботливый друг (лат.).], нимало не думая, что когда-нибудь получу разрешение опубликовать их, но Маркхэм, потерпев, как вы помните, поражение на выборах, удалился от политики, а в прошлом году Вэнс уехал жить за границу, объявив, что никогда больше не вернется в Америку. В результате оба они разрешили мне опубликовать мои записи. Вэнс поставил единственное условие: не называть его настоящего имени, каких-либо других ограничений не было.

В другом месте я уже упоминал об обстоятельствах, которые привели Вэнса к участию в расследовании преступлений, и рассказывал, как, несмотря на удивительно противоречивые улики, он раскрыл тайну выстрела, оборвавшего жизнь Олвина Бенсона[2 - Имеется в виду роман С. Ван Дайна «Дело Бенсона».]. Настоящая хроника – о раскрытии тайны убийства Маргарет Оделл, которое произошло осенью того же года и которое, как вы помните, произвело еще большую сенсацию.

В том, что Вэнс взялся за новое расследование, было повинно любопытное стечение обстоятельств.

В течение нескольких недель газеты антиправительственного толка назойливо обвиняли Маркхэма в том, что его прокуратура не может вынести обвинения нескольким явным нарушителям закона, переданным из полиции для ведения следствия. В результате введения «сухого закона» новая, опасная волна ночной жизни захлестнула Нью-Йорк. Множество хорошо снабжаемых кабаре, которые именовали себя ночными клубами, появилось на Бродвее и на прилегающих к нему переулках, пугающе возросло число серьезных преступлений, которые, как говорили кругом, зародились в этих притонах.

Наконец, когда было совершено убийство, сопровождаемое ограблением и похищением драгоценностей, в одном из городских семейных отелей и когда следы привели прямо к одному из ночных клубов, где совершались накануне приготовления, когда двое сыщиков из уголовного бюро, расследовавших это дело, были найдены мертвыми по соседству с этим клубом, с пулевыми ранами в спинах, Маркхэм решил бросить все другие дела прокуратуры и лично заняться создавшимся нетерпимым положением.

Глава 2

Следы на снегу

Воскресенье, 9 сентября

На следующий день после того, как Маркхэм, Вэнс и я сидели в укромном уголке в Стюйвезант-клубе, прокурор принял свое решение. Мы часто встречались здесь все вместе, так как были членами клуба, а Маркхэм даже использовал клуб как своеобразную штаб-квартиру.

– Довольно печально, – заметил он в этот вечер, – что половина народу в Нью-Йорке считает прокуратуру никчемной богадельней и что я сам не могу превратиться в сыщика, потому что у меня не хватает улик или эти улики недостаточно убедительны, чтобы поддержать обвинения.

Вэнс с легкой улыбкой взглянул вверх и перевел насмешливый взгляд на Маркхэма.

– По-видимому, все трудности в том, – протянул он, – что полиция, будучи совершенно не искушенной в немыслимой абракадабре судебной процедуры, исходит из убеждения, что улики, способные удовлетворить нормального здравомыслящего человека, могут удовлетворить и суд. Дурацкое убеждение, видите ли. Законникам вовсе не нужны улики, им нужна эрудиция. И мозг среднего полисмена не в состоянии ничего противопоставить педантичным требованиям юриспруденции. Он недостаточно изощрен в них.

– Дело обстоит не так уж плохо, – возразил Маркхэм, пытаясь говорить как можно добродушней, хотя напряжение последних недель вывело его из обычной уравновешенности. – Если бы для свидетелей не было специальных законов, несправедливость торжествовала бы слишком часто. А в наших судах преступник имеет право защищаться.

Вэнс зевнул.

– Маркхэм, вам следовало бы быть педагогом. Просто удивительно, как вы изучили все возражения стандартных ораторов в ответ на критические замечания. Но меня вы все-таки не убедили. Помните тот случай в Висконсине с человеком, которого похитили и которого суд объявил по всей вероятности уже мертвым. Даже когда он вернулся, живой и невредимый, это ничего не изменило в мнении суда. Неоспоримый факт, что он был жив, рассматривался судом как вопрос, не относящийся к делу, да к тому же неуместный и несущественный. А трогательное положение, такое распространенное в этой чудной стране, о человеке, который может быть умалишенным в одном штате и совершенно здоровым в другом? Действительно, знаете ли, нельзя ожидать, чтобы человек, наделенный обыкновенным здравым умом, не привыкший к великолепному процессу логического мышления законников, улавливал такие нюансы. Такой человек, блуждающий в потемках ординарного здравого смысла, скажет, что лунатик останется лунатиком как на правом берегу реки, так и на левом. И он будет также утверждать – ошибочно, конечно, – что если человек жив, то он еще не умер.

– К чему эта академическая диссертация? – спросил Маркхэм, на этот раз с некоторым раздражением.

– Мне кажется, она довольно живо затрагивает причину теперешних наших неприятностей, – спокойно объяснил Вэнс. – Очевидно, полиция, не знакомая с судебным процессом, заставила вас сесть в лужу. Почему бы не начать агитацию за всеобщее обучение сыщиков на юридических курсах?

– Вы мне страшно помогли своим советом, – отозвался Маркхэм.

– Почему вы отвергаете мое предложение? Вы должны признать, что оно этого не заслуживает. Человек, не разбирающийся в законах, который видит, что дело обстоит так-то, не обращает внимания на не имеющие никакого веса

доказательства в обратном, а крепко держится за факты. Суд торжественно выслушивает множество пустых показаний и выносит решение, опираясь не на факты, а на установленный свод законов. Результат, видите ли, часто бывает такой, что суд оправдывает обвиняемого, прекрасно сознавая, что он виноват. И судья обращается к преступнику: «Я знаю, и суд знает, что ты совершил преступление. Но благодаря допускаемым законом свидетельским показаниям я объявляю тебя невиновным. Иди и греши пока».

Маркхэм проворчал:

– Вряд ли я сумел бы заставить американцев полюбить меня, если бы отвечал на все выпады против прокуратуры рекомендацией департаменту полиции позаниматься на юридических курсах.

– Тогда позвольте мне поддержать предложение шекспировского палача: «Давайте убьем всех законников».

– К несчастью, мы находимся в реальных условиях, для которых этот выход из положения не годится.

– Тогда как же, – лениво спросил Вэнс, – предлагаете примирить здравые умозаключения полиции с тем, что вы так трогательно называете правилами судебной процедуры?

– Начать с того, – сообщил ему Маркхэм, – что с этого дня я решил лично проводить расследование всех преступлений, связанных с ночными клубами. Вчера я созвал совещание руководителей моего департамента и надеюсь на оживление нашей деятельности, которая будет исходить прямо из моего кабинета. Я собираюсь получить именно те улики, которые необходимы обвинению.

Вэнс нетерпеливо достал сигарету и постучал ею по руке.

– Ага, значит, вы собираетесь заменить оправдание виновных – обвинением невинных.

Маркхэма передернуло. Повернувшись в кресле, он свирепо взглянул на Вэнса.

– Я не буду притворяться, что не понял вашего замечания, – хмуро сказал он. – Вы опять возвращаетесь к своей любимой теме о несоответствии, о несовершенстве системы улик и дачи свидетельских показаний по сравнению с вашими психологическими теориями и эстетическими гипотезами.

– Совершенно верно, – беззаботно согласился Вэнс. – Вы знаете, Маркхэм, ваша чистая стойкая вера в улики и видимые доказательства просто обезоруживает. Перед ней я буквально цепенею. Я весь дрожу при мысли о невинных жертвах, которых вы собираетесь загнать в угол. При вас скоро станет опасно просто появиться в каком-нибудь кабаре.

Маркхэм молча курил некоторое время. Несмотря на резкость, проскальзывавшую иногда в спорах между ними, в их отношении друг к другу не было ни тени враждебности. Их дружба продолжалась с давних пор, и, несмотря на несходство характеров и резкое различие во взглядах, дружба эта основывалась на глубоком взаимном уважении.

Наконец Маркхэм заговорил:

– Почему такое полное отрицание вещественных доказательств? Действительно, иногда они себя не оправдывают, но чаще всего ведут к нахождению виновного. В самом деле, Вэнс, один из наших крупных авторитетов в юриспруденции показал, что улика – это самое неопровержимое доказательство. Прямых доказательств, таких, как поимка преступника на месте, у нас никогда не бывает. Если бы суды полагались на них, подавляющее большинство преступников было бы на свободе.

– Я нахожусь под впечатлением, что это большинство всегда умело пользоваться своей неограниченной свободой.

Маркхэм не обратил внимания на это замечание.

– Возьмем такой пример: десяток взрослых людей видят птицу, бегущую по снегу, и заявляют, что это цыпленок. В то же время птицу видит ребенок и утверждает, что это утка. Они рассматривают птичьи следы на снегу и убеждаются по перепончатым лапам, что следы оставлены уткой. Неужели не ясно, что это была утка, а не цыпленок, несмотря на перевес свидетельских показаний?

– Дарю вам эту утку, – безразлично согласился Вэнс.

– С благодарностью принимаю дар, – продолжал Маркхэм. – Я прихожу к выводу: десяток взрослых видели на снегу человеческую фигуру и под присягой утверждают, что это была женщина, в то время как ребенок настаивает на том, что это был мужчина. Но согласитесь вы теперь признать, что отпечаток мужской ноги на снегу – неопровержимое доказательство того, что это действительно был мужчина, а не женщина.

– Это не совсем так, мой дорогой Маркхэм, – ответил Вэнс, вытягивая перед собой ноги, – если только, конечно, вам не удастся доказать, что человек в умственном отношении не выше утки.

– При чем здесь утка? – нетерпеливо спросил Маркхэм. – Ум не определяет форму и размер ноги.

– И утки, без сомнения, не определяют. Но у человека ум прекрасно может воздействовать, и часто так случается, на отпечаток его ног.

– Я что, присутствую на уроке антропологии, а вы – поборник Дарвина или просто при метафизическом размышлении?

– Оба туманных предмета тут ни при чем, – заверил его Вэнс. – Я просто заявляю об обыкновенных фактах, выведенных из наблюдений.

– Ну хорошо, так в соответствии с ходом вашего рассуждения, будет ли эта улика – мужские следы – указывать на то, что это был чужчина или это была женщина?

– Возможно, ни тот ни другая, – ответил Вэнс, – а может быть, они оба. Такая улика, относящаяся к человеку, обозначала бы для меня, что фигура, прошедшая по снегу, была либо мужчиной в своих собственных ботинках, либо женщиной в мужской обуви, а может быть, это был даже длинноногий ребенок. Короче, для моего абсолютно признающего законы ума это означало бы только, что следы оставлены потомком гомо сапиенс, нижние конечности которого были обуты в мужские ботинки, – пол и возраст неизвестны. С другой стороны, следы утки я бы склонился рассматривать, бесспорно, как следы утки, и больше ничего.

– Я восхищен тем, – заметил Маркхэм, – что вы, по крайней мере, отвергаете такую возможность, как утку, надевшую башмаки садовника.

Вэнс помолчал мгновение и заговорил:

– Вся беда с вами, современными Соломонами, в том, что вы пытаетесь привести человеческую натуру к формуле, в то время как в действительности человек, так же как и сама жизнь, бесконечно сложен. Он сообразителен и хитер, он обладает вырабатывающейся веками ловкостью увертываться от закона, он низкое создание, которое даже при нормальном ходе событий в своей никчемной идиотской борьбе за существование инстинктивно и непроизвольно говорит девяносто девять лживых слов на одно слово правды. Утка, не пользуясь ниспосланными свыше благами человеческой цивилизации, является порядочной и честной птицей.

– Каким же способом, – спросил Маркхэм, – если вы отрицаете возможность прийти к заключению обычным путем, каким же способом вы хотите определить пол и возраст лица, оставившего следы на снегу?

Вэнс выпустил кольцо дыма в потолок.

– Прежде всего я откажусь от свидетельских показаний десятка взрослых и одного наблюдательного вундеркинда. Затем, я не буду обращать внимания на следы на снегу. И тогда, свободный от всяких предубеждений, которые могли быть созданы сомнительными показаниями и материальными уликами, я точно установлю характер преступления, совершенного исчезнувшим лицом. Проанализировав всевозможные факторы преступления, я смогу не только безошибочно ответить вам, был ли преступник мужчиной или женщиной, но и описать его привычки, характер и даже внешность. И я смогу сделать это независимо от того, оставил ли беглец следы мужчины, или женщины, или кенгуру, воспользовался ли он ходулями, проехал ли на велосипеде или испарился, вовсе не оставив следов.

Маркхэм широко улыбнулся:

– Боюсь, что вы еще хуже, чем полиция, справились бы с делом доставления мне улик, требуемых законом.

– Я, по крайней мере, не предоставлю улик против невиновного, у которого преступник украл башмаки, – парировал удар Вэнс. – Кстати, знаете, Маркхэм, как только вы проникнетесь верой в следы, вам неизбежно суждено арестовать тех, в чьем аресте заинтересованы настоящие преступники, а именно тех, кто не имеет ровно никакого отношения к преступлению.

Он сделался вдруг серьезным.

– Послушайте, старина, существуют изощренные умы, вступившие к тому же в союз с тем, что теологи называют темными силами. Многие из беспокоящих вас преступлений освещены для вас в неверном свете. Я, например, вовсе не доверяю теории о том, что злокозненная банда душителей выбрала для себя убежищем ночные клубы. Это слишком мелодраматическое предположение. Как будто из-под пера газетного репортера с воспаленным воображением. Это уж очень по Эжену Сю. Преступление не является массовым инстинктом в мирное время – во время войны оно просто превращается в бесстыдный спорт, – преступление, видите ли, это индивидуальное, личное дело. Для убийства не составляют «partie carte», как для бриджа… Маркхэм, дорогой старик, не позволяйте этой романтической чепухе сбить себя с толку. И не рассматривайте слишком пристально и долго эти следы на снегу. Они могут запутать вас хуже всего, вы слишком доверчивы. Предупреждаю вас, что ни один умный преступник никогда не оставит своих следов для того, чтобы их зафиксировали ваши эксперты.

Он глубоко вздохнул и бросил на Маркхэма взгляд, полный шутливого сочувствия:

– А вдруг в первом вашем случае не будет даже следов? Увы! Что же вам тогда делать?

– Я бы смог преодолеть это затруднение, прихватив с собой вас, – заявил Маркхэм с легкой иронией. – Как бы вы отнеслись к предложению сопровождать меня на первое же дело?

– Я восхищен этой мыслью, – сказал Вэнс.

Через два дня после этого разговора первые страницы столичных газет запестрели крупными заголовками, кричавшими об убийстве Маргарет Оделл.

Глава 3

Убийство

Вторник, 11 сентября, 8 часов 30 минут утра

Было ровно половина девятого, когда Маркхэм явился к нам в это знаменательное утро 11 сентября и сообщил о случившемся.

Я временно жил у Вэнса на 38-й улице, в большой, заново отремонтированной квартире, занимавшей два верхних этажа прекрасного особняка. Уже несколько лет я был личным поверенным и консультантом Вэнса, оставив работу в юридической конторе «Ван Дайн, Дэвис и Ван Дайн», принадлежащей моему отцу, и целиком посвятив себя интересам и заботам Вэнса. Его дела не были обширны, но все мое время уходило на ведение его личных финансовых дел и оформление многочисленных покупок картин и других предметов искусства. Это было нетрудно и неутомительно и как нельзя лучше гармонировало с моими вкусами, а моя дружба с Вэнсом, начавшаяся после окончания Гарварда, оживляла и укрепляла наши отношения, которые без этого могли выродиться в тусклые и официальные.

В это утро я встал рано и работал в библиотеке, когда Карри, мажордом и камердинер Вэнса, доложил, что Маркхэм ожидает нас в гостиной. Я был удивлен этим ранним визитом, так как Маркхэм хорошо знал, что Вэнс, который редко вставал раньше полудня, не любил никаких вторжений к нему в утренние часы. И в этот момент я ощутил, что надвигается что-то важное и необычное.

Я нашел Маркхэма беспокойно шагающим взад и вперед по комнате, его шляпа и перчатки были небрежно брошены на стол. Когда я вошел, он остановился и тревожно взглянул на меня. Он был человеком среднего роста, с сединой в волосах, крепкого телосложения, имел вежливые благородные манеры, под которыми скрывалась суровая и грозная сила, дававшая ощущение упорной действенности и неиссякаемых способностей.

– Доброе утро, Ван, – приветствовал он меня с нетерпеливой небрежностью. – Произошло одно сенсационное убийство, очень жестокое и безобразное. – Он поколебался и испытующе взглянул на меня: – Вы помните, о чем мы болтали в тот вечер с Вэнсом в клубе? В его словах было какое-то дьявольское пророчество. И, помните, я почти обещал взять его с собой при первом же важном событии? Ну так вот, это событие уже произошло. Маргарет Оделл, которую тут прозвали Канарейкой, задушена у себя дома. И из того, что я мог понять по телефону, это похоже на дело рук посетителей ночных клубов. Как насчет того, чтобы поднять этого сибарита с постели? Я сейчас направляюсь на квартиру Оделл.

– Конечно, – согласился я с поспешностью, которая, боюсь, в большей степени обусловливалась чисто эгоистическими мотивами. Канарейка. Нельзя было найти в городе жертвы, чье убийство возбудило бы больше волнения.

Поспешив к двери, я позвал Карри и велел ему немедленно разбудить Вэнса.

– Боюсь, сэр… – начал Карри с вежливым поклоном.

– Можете не бояться, – вмешался Маркхэм. – Я беру на себя всю ответственность за то, что бужу его в такое время.

Карри почувствовал важность положения и удалился. Через минуту Вэнс в шелковом кимоно и сандалиях появился в дверях комнаты.

– Господи помилуй, – приветствовал он нас, с изумлением глядя на часы. – Вы что же, ребята, еще не ложились?

Он неторопливо прошел к камину и выбрал из маленькой флорентийской табакерки сигарету с золотым обрезом. Маркхэм прищурился, ему было не до легкомысленной болтовни.

– Канарейку убили! – выпалил я.

Вэнс сдержался и бросил на меня пристальный взгляд:

– Чью канарейку?

– Маргарет Оделл нашли задушенной сегодня утром, – резко вмешался Маркхэм. – Если вы, закутанный в свою благоухающую вату, слышали о ней, то можете себе представить значение этого убийства. Я сам собираюсь заняться этими «следами на снегу», если хотите ехать со мной, как говорили в тот вечер, то вам надо поторопиться.

Вэнс смял сигарету.

– Маргарет Оделл, да? Белокурая бестия с Бродвея. Очень прискорбно. – Несмотря на его кажущееся безразличие, я видел, что он был заинтересован. – Подлые враги законности и порядка опять досаждают вам, старина. Чертовски неделикатно с их стороны. Извините меня – я должен одеться приличествующим событию образом. – Он исчез в дверях спальни.

Маркхэм достал длинную сигару и решительно приготовился закурить ее, а я вернулся в библиотеку, чтобы убрать бумаги, над которыми работал. Меньше чем через десять минут Вэнс появился совершенно одетым.

– Bien, mon vieux![3 - Прекрасно, старина! (фр.)] – весело сказал он, когда Карри подал ему шляпу, перчатки и трость. – Allons[4 - Идемте (фр.).].

Мы проехали по Мэдисон-авеню, свернули в Центральный парк и вышли у начала 71-й улицы. Квартира Маргарет Оделл находилась на 71-й улице, 184, и мы не смогли бы добраться до дома без помощи дежурного полисмена, который расчистил для нас проход в толпе, собравшейся на месте происшествия, как только туда прибыла полиция.

Фезерджил, помощник прокурора, ждал в главном холле прибытия своего начальника.

– Это ужасно, сэр, – жалобно сказал он. – Скверное это дело. Да еще в такое время.

Он озабоченно пожал плечами.

– Оно может скоро кончиться, – сказал Маркхэм, пожимая ему руку. – Как идут дела? Сержант Хэс звонил мне сразу после вашего прибытия и сказал, что на

первый взгляд случай трудноватый.

– Трудноватый, – мрачно повторил Фезерджил. – Он совершенно неразрешимый. Хэс вертится, как турбина. Кстати, его отозвали от дела Бойля, чтобы он мог целиком отдать свой талант этому новому сюрпризу. Десять минут назад приехал инспектор Моран и приказал ему официально.

– Ну что ж, Хэс хороший парень, – заявил Маркхэм. – Мы распутаем это дело… Где эта квартира?

Фезерджил указал на дверь в глубине главного холла.

– Вот, сэр, – объявил он. – А теперь я побегу. Мне нужно выспаться. Желаю удачи.

И он вышел на улицу.

Тут необходимо хотя бы в самых сжатых словах описать дом, потому что своеобразное положение помещения сыграло большую роль в решении неразрешимой на вид загадки убийства.

Четырехэтажный дом, который был сначала особняком, впоследствии был переделан внутри и снаружи, и владельцы стали сдавать внаем прекрасные отдельные квартиры. На каждом этаже было, кажется, по три или четыре квартиры, но верхние нас не интересуют. Местом преступления был первый этаж, на нем находились три квартиры и кабинет зубного врача.

Главный вход в здание был прямо с улицы и вел в просторный холл. В глубине этого холла, напротив главного входа, находилась дверь квартиры Оделл – квартиры № 3. Справа от главного холла на верхние этажи поднималась лестница, а прямо под лестницей, тоже на правой стороне, находилась небольшая приемная, или гостиная, с круглой аркой вместо двери. Напротив лестницы, в большой нише, стоял распределительный щит телефонной станции. Лифта не было. Важной деталью в устройстве нижнего этажа был небольшой проход в глубине главного холла вдоль передней стены квартиры Оделл, кончавшийся дверью во двор. Двор соединялся с улицей узеньким проходом шириной в четыре фута.

На прилагающемся чертеже легко рассмотреть и понять устройство нижнего этажа, неплохо, если читатель запомнит его, так как я сомневаюсь, чтобы когда-нибудь раньше такой ясный архитектурный замысел играл столь важную роль в раскрытии преступной тайны; сама его простота, легкость его изучения и отсутствие всяких ухищрений служили для тех, кто расследовал дело, удручающим свидетельством того, что загадка угрожала остаться неразрешенной.

Как только Маркхэм вошел в то утро в квартиру Оделл, сержант Хэс выступил вперед и протянул руку. Выражение облегчения промелькнуло на его широком, полном задора лице, и было ясно, что в его отношении к этому делу не было ни враждебности, ни духа соперничества, которые всегда существовали между отделом розыска и прокуратурой.

– Рад, что вы приехали, сэр, – сказал он. Затем он повернулся к Вэнсу с сердечной улыбкой и протянул ему руку. – Так, сыщик-любитель снова с нами. – В его голосе слышалась дружелюбная насмешка.

– Совершенно верно, – промурлыкал Вэнс. – Как работает ваша индукционная катушка в это прелестное сентябрьское утро, сержант?

– Все в порядке.

Тут лицо Хэса внезапно помрачнело, и он повернулся к Маркхэму:

– Скверное это дело, сэр. Какого черта они выбрали Канарейку для своей грязной работы? На Бродвее полно всяких Дженни, которые могли бы улетучиться со сцены и не вызвать ни минуты переполоха по этому поводу, но они должны были обязательно пристукнуть царицу Савскую.

В то время как он говорил, Уильям М. Моран, старший офицер из бюро розыска, вошел в маленькую переднюю и пожал всем руки. Хотя он встречался со мной и с Вэнсом всего один раз, да и то случайно, он помнил нас обоих и учтиво обратился к нам по именам.

– Очень хорошо, что вы приехали, – сказал он Маркхэму своим мягким, хорошо поставленным голосом. – Сержант Хэс даст вам предварительную информацию, какую вы сочтете необходимым услышать. Я сам еще блуждаю в потемках:

я только что сюда прибыл.

– Много же я вам могу сообщить, – проворчал Хэс, провожая нас в гостиную.

Квартира Маргарет Оделл состояла из двух довольно больших комнат, соединявшихся широкой дверью с аркой, завешанной тяжелыми дамасскими портьерами. Дверь из главного холла вела в маленькую переднюю длиной около восьми футов и шириной около четырех, с двойными дверями венецианского стекла, открывавшимися в большую гостиную. Другого входа в квартиру не было, и в спальню можно было пройти только через арку из гостиной.

В гостиной стояла большая тахта, покрытая куском парчи и повернутая к камину, а за ней узкий длинный стол из розового дерева с инкрустацией. На противоположной стене, между передней и дверью в спальню, висело огромное зеркало в стиле Марии-Антуанетты, под которым стоял столик из красного дерева на гнутых ножках. За аркой возле большого окна помещался стенвеевский рояль, прекрасно отделанный орнаментом эпохи Людовика XV. В углу направо от камина стояли письменный столик на витых ножках и корзина для бумаг. Налево от камина стояло прелестнейшее булевское бюро, какое я только когда-нибудь видел. Несколько прекрасных репродукций Буше, Фрагонара и Ватто висело на стенах. В спальне находился комод, туалетный стол и несколько позолоченных стульев. Вся квартира, казалось, соответствовала беспечному и легкомысленному существу, каким была Канарейка.

Когда мы вошли из передней в гостиную и огляделись, нашим глазам предстало зрелище ужасного разгрома. Казалось, кто-то в безумной спешке перевернул всю квартиру вверх дном.

– Не очень-то чисто они обделали это дело, – сказал инспектор Моран.

– Надо сказать спасибо, что они не воспользовались динамитом, – едко сказал Хэс.

Но не общий беспорядок приковал к себе наше внимание. Как только мы вошли, наши взгляды сейчас же притянуло тело девушки, которое находилось в неестественном полулежачем положении в углу тахты, ближайшем к нам. Ее голова была как бы силой запрокинута назад, а распустившиеся волосы спадали

на обнаженное плечо застывшим водопадом расплавленного золота. Черты ее лица были сильно искажены, а само лицо совершенно потеряло окраску, глаза смотрели прямо перед собой мертвым взглядом, рот был открыт, губы втянуты внутрь. На шее по обеим сторонам горлового хряща виднелись ужасные темные синяки. Она была одета в легкое вечернее платье из черных кружев на кремовом шифоновом чехле, а через валик тахты была перекинута вечерняя накидка, отделанная горностаем.

Было очевидно, что она тщательно боролась с тем, кто ее задушил. Кроме ее растрепанных волос об этом говорили полуоторванный рукав платья и разорванное на груди великолепное кружево. Маленький корсаж из искусственных орхидей оторвался от лифа и смятый лежал у нее на коленях. Одна атласная туфелька соскочила с ноги, а ее правое колено было повернуто внутрь, как будто она хотела, опираясь на тахту, вырваться из рук убийцы, сжимающих ее горло. Пальцы рук были скрючены и оставались так, без сомнения, с момента смерти.

Из оцепенения ужаса, в который привел нас вид этого тела, вывел деловитый голос Хэса.

– Понимаете, мистер Маркхэм, она явно сидела в углу этой кушетки, когда кто-то внезапно схватил ее сзади.

Маркхэм кивнул.

– Надо было быть очень сильным человеком, чтобы задушить ее так легко.

– Это верно, – согласился Хэс.

Он нагнулся и показал на пальцы девушки, покрытые ссадинами.

– Они и кольца содрали с нее, притом очень неосторожно. – Затем он показал на разорванную платиновую цепочку, усеянную крошечными жемчужинками, которая свисала с ее плеча. – И сорвали что-то у нее с шеи, разорвав при этом цепочку. Они ничего не пропустили и времени даром не теряли. Благородная джентльменская работа. Чисто и красиво.

– Где медицинский эксперт? – спросил Маркхэм.

– Сейчас придет, – сообщил ему Хэс. – Дока Доремуса невозможно никуда вытащить, пока он не позавтракает.

– Он может обнаружить что-нибудь еще, чего не видим мы.

– Для меня с избытком достаточно того, что я вижу, – заявил Хэс. – Вы только взгляните на эту квартиру. Здесь не было бы хуже после канзасского циклона.

Мы отвернулись от угнетающего зрелища мертвой девушки и двинулись на середину комнаты.

– Пожалуйста, не дотрагивайтесь ни до чего, мистер Маркхэм, – предупредил Хэс, – я послал за экспертами по отпечаткам пальцев, они будут с минуты на минуту.

Вэнс взглянул на него с насмешливо преувеличенным изумлением:

– Отпечатки пальцев! Не хотите ли вы сказать… Как, в самом деле? Восхитительно! Нет, вы только вообразите себе простачка, оставившего здесь отпечатки пальцев, чтобы их могли обнаружить.

– Не все мошенники умны, мистер Вэнс, – воинственно возразил Хэс.

– О господи, конечно, нет. Иначе они никогда не попадали бы за решетку. Но помимо всего прочего, сержант, даже настоящие отпечатки пальцев могут означать, что тот, кто их оставил, болтался здесь без злого умысла в то или иное время.

– Может быть, и так, – неохотно уступил Хэс. – Но должен вам сказать, что если я найду хорошие отпечатки пальцев, то нелегко будет выпутаться той птичке, которая их оставила.

Вэнса, казалось, потрясло это:

– Вы положительно пугаете меня, сержант. Отныне я делаю рукавицы непременной принадлежностью моего туалета. Я, знаете ли, всегда хватаюсь за мебель, и за чайные чашки, и за всякие безделушки в гостях.

В этом месте Маркхэм перебил его и предложил осмотреть комнату до прибытия медицинского эксперта.

– Они ничего не прибавили к обычному методу, – заявил Хэс. – Убили девушку и оставили все на виду.

Обе комнаты были совершенно разгромлены. Одежда и разные вещи были разбросаны по полу. Дверцы обоих шкафов были (в каждой комнате было по шкафу) распахнуты, их, судя по хаосу в шкафу спальни, торопливо осматривали, но шкаф в гостиной, в котором хранились вещи не первой необходимости, казалось, был не тронут. Содержимое ящиков туалетного стола и комода было частью вывалено на пол, белье с постели стянуто и матрас перевернут. Два стула и маленький столик были перевернуты, несколько ваз разбито, как будто в них что-то искали, а потом швырнули на пол в гневном разочаровании. Разбито было и зеркало Марии-Антуанетты. Ящики письменного стола были пусты, а их содержимое валялось беспорядочной грудой на полу. Дверцы булевского бюро широко распахнуты, и внутри его все было в страшном беспорядке. Бронзовая с фарфоровой отделкой лампа, стоявшая на краю стола из розового дерева, была опрокинута и лежала на столе, а ее атласный абажур разорван об острый край серебряной бонбоньерки.

Два предмета среди общего беспорядка привлекли к себе мое внимание – черная металлическая шкатулка для хранения документов, канцелярских принадлежностей, какую можно купить в любом магазине, и большой ларчик для драгоценностей из тонкой стали, с круглым вставным замком. Последнему из этих предметов суждено сыграть роковую роль в дальнейшем расследовании.

Шкатулка для документов, совершенно пустая, находилась на столе с опрокинутой лампой. Ее крышка была откинута, ключ торчал в замке.

Среди полного беспорядка, царившего в комнате, один этот предмет указывал на спокойные и неторопливые по отношению к нему действия погромщика. Ларец для драгоценностей, наоборот, был безжалостно исковеркан. Он лежал на туалетном столе в спальне, потерявший всякую форму, взломанный со страшным

усилием при помощи какого-то рычага, и рядом с ним валялась железная кочерга с медной ручкой, которую, очевидно, принесли из гостиной и использовали в качестве отмычки.

Вэнс рассеянно посматривал по сторонам, пока мы обходили комнаты, но у туалетного стола встал как вкопанный. Вынув свой монокль, он тщательно обследовал его и склонился над взломанным ларчиком. Хэс, прищурившись, наблюдал за Вэнсом, нагнувшимся к туалетному столу.

– В высшей степени необычно, – пробормотал Вэнс, постукивая по краю крышки своим золотым карандашиком. – Что вы об этом думаете, сержант?

– Что вы имеете в виду? – спросил в свою очередь Хэс. – Что у вас на уме?

– О, больше чем вы можете себе представить, – мимоходом отозвался Вэнс. – Но в данный момент я развлекаюсь мыслью о том, что этот стальной ларчик не мог быть взломан совершенно не приспособленной для этого железной кочергой.

Хэс одобрительно кивнул:

– Значит, вы это тоже заметили? И вы абсолютно правы. Эта кочерга могла немного покалечить ящик, но справиться с замком ей не под силу.

Он повернулся к инспектору Морану:

– Этот сюрприз я приготовил для «профессора» Бреннера – пусть выяснит… если сможет. Мне кажется, что взломщик – профессионал высокого класса. Это сделал не директор воскресной школы.

Вэнс некоторое время продолжал изучать ларец, но обернулся с недовольным и озабоченным видом.

– Ну, скажу я вам, – заметил он, – что-то чертовски странное произошло здесь прошлой ночью.

– О, ничего особенного, – поправил его Хэс. – Это была профессиональная работа, верно, но ничего таинственного в этом нет.

Вэнс протер свой монокль и спрятал его.

– Если вы собираетесь работать с таким убеждением, сержант, – беспечно обернулся он к Хэсу, – то я очень боюсь, как бы вы не сели на мель. Дай бог, чтобы милосердное Провидение благополучно вынесло вас на берег.

Глава 4

Отпечаток руки

Вторник, 11 сентября, 9 часов 30 минут утра

Через несколько минут после того, как мы возвратились в гостиную, приехал доктор Доремус, главный медицинский эксперт, оживленный и энергичный. Сразу вслед за ним появились еще трое людей, один из которых нес объемистую камеру и складной треножник. Это были эксперты по отпечаткам пальцев – капитан Дюбуа и сыщик Беллами и полицейский фотограф Питер Квакенбуш.

– Ну и ну! – воскликнул доктор Доремус. – Весь великий клан в сборе. Большие неприятности, а? Я бы предпочел, чтобы ваши друзья, инспектор, выбирали более подходящие часы для улаживания своих маленьких затруднений. Когда меня рано поднимают, это плохо отражается на моей печени. – Он проворно и деловито пожал всем руки. – Где же тело? – спросил он, оглядывая комнату. Взгляд его упал на тахту. – Ага. Это дама.

Торопливо подойдя к мертвой девушке, он быстро осмотрел ее, особенно внимательно шею и пальцы рук, потрогал руки и голову, чтобы определить условия, при которых наступила смерть, и, наконец, распрямил ее сведенные члены и положил ее на диванные подушки, приготовив таким образом тело для более подробного исследования.

Все остальные двинулись в спальню, и Хэс пригласил экспертов по отпечаткам пальцев следовать за ним.

– Посмотрите все как следует, – обратился он к ним. – Но обратите особое внимание на этот стальной ларец и на ручку кочерги. Да и шкатулку для документов в той комнате проверьте сверху донизу.

– Ладно, – согласился капитан Дюбуа. – Мы начнем тут, пока док возится в той комнате.

И они с Беллами принялись за работу. Естественно, нас больше всего интересовало то, что делал капитан. Целых пять минут мы следили за тем, как он исследует погнутые стальные стенки ларца и гладкую полированную ручку кочерги. С величайшей осторожностью он придерживал исследуемые предметы за края и, вставив в глаз стеклышко ювелира, направлял свет своего карманного фонарика на каждый их квадратный дюйм. Наконец он хмуро обернулся к нам.

– Ни одного отпечатка, – объявил он. – Чисто вытерто.

– Так я и знал, – проворчал Хэс. – Ясно, что это была профессиональная работа. – Он повернулся к другому эксперту: – Нашли что-нибудь, Беллами?

– Ничего утешительного, – последовал ответ. – Несколько старых запылившихся пятнышек.

– Похоже, что ничего у нас не вышло, – с досадой отметил Хэс. – Хотя я надеюсь кое-что найти в той комнате.

В эту минуту доктор Доремус вошел в спальню, снял с кровати простыню, вернулся к тахте и накрыл тело убитой девушки. Затем он захлопнул свой чемоданчик, нахлобучил шляпу и выступил вперед, всем своим видом показывая, что он очень торопится.

– Простой случай удушения с захватом сзади, – проговорил он, почти не разделяя слов. – Синяки от пальцев на передней части горла. Нападение, должно быть, неожиданное. Быстрая работа. Хотя покойная, очевидно, пыталась сопротивляться.

– Как вы думаете, доктор, как было разорвано ее платье? – спросил Вэнс.

– Ах, это. Не могу сказать. Она могла сделать это сама – знаете, бессознательные движения в поисках воздуха.

– Не очень-то вероятно, а?

– Почему бы и нет? Платье разорвано, букет сорван, а тот парень, который ее душил, держал ее за горло обеими руками. Кто еще мог это сделать?

Вэнс пожал плечами и закурил сигарету. Хэс, раздраженный его вмешательством, как будто не относящимся к делу, задал следующий вопрос:

– Не могут ли эти следы на пальцах означать, что с нее срывали кольца?

– Возможно. Это свежие ссадины. Кроме того, на левом запястье есть несколько царапин, указывающих на то, что у нее с руки, возможно силой, снимали браслет.

– О’кей, это подходит, – удовлетворенно заметил Хэс. – И похоже, что они сорвали у нее что-то с шеи.

– Вероятно, – согласился безразлично доктор Доремус. – Кусочек цепочки порезал ее правое плечо.

– А когда это было?

– Девять-десять часов назад. Скажем, около половины двенадцатого… может быть, немного раньше, во всяком случае не позже полуночи. – Он беспокойно покачивался на носках. – Еще что?

Хэс задумался.

– Я думаю, что это все, док, – решительно заявил он. – Я сейчас же отвезу тело в морг. Вскрывать будем как можно скорее, когда вы освободитесь.

– Утром вы получите рапорт.

И, несмотря на явное желание уехать побыстрее, доктор Доремус прошел в спальню и пожал руки Хэсу, Маркхэму и инспектору Морану, вслед за чем торопливо вышел.

Хэс проводил его до двери, и я слышал, как он велел офицеру, дежурившему снаружи, позвонить в департамент здравоохранения, чтобы за телом прислали санитарную машину.

– Просто восхищен всем этим, – сказал Вэнс Маркхэму. – Вы тут из кожи лезете по случаю отбытия в мир иной белокурой и нежной красотки, а этот веселый доктор беспокоится только о своей печени, функции которой нарушены ранним пробуждением.

– Что же тут поделаешь? – вздохнул Маркхэм. – Его-то газеты не пришпоривают как следует… А кстати, почему это вы спрашивали о разорванном платье?

Вэнс лениво осматривал кончик своей сигареты.

– Заметьте, – сказал он, – леди была явно захвачена врасплох, потому что, если бы перед этим была борьба, ее не смогли бы схватить сзади, сидящую на тахте. Поэтому ее платье и корсаж, несомненно, были еще целы, когда ее схватили. Несмотря на утверждение вашего лихого Парацельса, не похоже, чтобы она почувствовала, что платье ей сдавило грудь и ей не хватает воздуха: тогда бы она разорвала сам лиф, зацепив его изнутри. Но, если вы заметили, лиф цел, единственно, что было разорвано, это пышная кружевная оборка снаружи, и ее разорвали, сильно потянув сбоку, тогда как, при данных обстоятельствах, она могла бы потянуть ее вниз от себя.

Инспектор Моран слушал внимательно, но Хэс казался нетерпеливым и обеспокоенным; он, очевидно, относился к разорванному платью как к не имеющему значения второстепенному обстоятельству.

– Больше того, – продолжал Вэнс, – на ней был корсаж. Если бы она сама сорвала его, когда ее душили, он несомненно упал бы на пол, потому что она ведь яростно сопротивлялась. Мы видели, как изогнулось ее тело, ее колено было подвернуто, и одна туфля свалилась с ноги. Никакой пучок шелковых цветов не удержался бы при этом у нее на коленях. Даже когда женщина сидит спокойно, то перчатки, сумка, платки, программы и салфетки вечно соскальзывают с колен

на пол.

– Но если ваши доводы правильны, – запротестовал Маркхэм, – то кружева могли быть разорваны и корсаж сорван после ее смерти. А я не вижу никакой цели в таком бессмысленном вандализме.

– Я тоже, – вздохнул Вэнс, – все это чертовски странно.

Хэс пристально поглядел на него.

– Вы говорите это уже второй раз. Но в этом нет ничего, что можно было бы назвать странным. Тут все ясно. – Он говорил слишком настойчиво, как бы желая убедить самого себя. – Платье могло быть разорвано в любое время, – упорно продолжал он. – А цветы могли запутаться в кружевах юбки, поэтому не упали на пол.

– А как бы вы объяснили взлом ларчика из-под драгоценностей, сержант? – спросил Вэнс.

– Ну, этот парень, вероятно, попробовал взломать его кочергой, увидел, что это не пройдет, и воспользовался своей отмычкой.

– Если у него была отмычка, – возразил Вэнс, – зачем ему нужно было приносить из гостиной эту дурацкую кочергу и возиться с ней?

Сержант в замешательстве покачал головой:

– Никогда нельзя наверное сказать, почему они поступают так или иначе.

– Ну вот, – укоризненно сказал Вэнс. – В словаре детектива не должно быть места такому слову, как «никогда».

Хэс пристально посмотрел на Вэнса. У него опять появились неуловимые сомнения.

– Вам, может быть, еще что-нибудь показалось странным?

– Ну, пожалуй, лампа на столе в той комнате.

Мы стояли около прохода под аркой, соединявшей обе комнаты, и Хэс быстро оглянулся и озадаченно посмотрел на упавшую лампу.

– Я не вижу здесь ничего странного.

– Ее опрокинули? – спросил Вэнс.

– Ну и что же из этого? – Хэс был искренне удивлен. – Почти все в этой проклятой квартире вышиблено со своих мест.

– Ага. Но тому, что трогали ящики комода и отделения письменного стола, и вазы, и стенные шкафы, есть объяснение. Их определенно обыскивали, в них чего-то просто искали. Но эта лампа как-то выпадает из всей картины. Это фальшивая нота. Она стояла на краю стола, противоположном тому, возле которого совершено убийство, по крайней мере в пяти футах от него. Ее, конечно, не могли опрокинуть во время борьбы. Нет, это ни к чему. Ее требовалось перевернуть не больше, чем разбить вот это прелестное зеркало над столиком с гнутыми ножками. Вот почему это странно.

– А как насчет этих стульев и столика? – спросил Хэс, показывая на два золоченых стула, которые были опрокинуты, и на красивый столик, лежавший на боку около рояля.

– О, это вполне входит в ансамбль, – ответил Вэнс. – Это все легкие предметы, которые торопливый джентльмен, грабивший квартиру, мог легко перевернуть или отшвырнуть в сторону.

– Лампа могла быть точно так же опрокинута, – возразил Хэс.

Вэнс покачал головой:

– Неубедительно, сержант, она на массивной бронзовой подставке в глубине стола и не могла никому помешать… Эту лампу опрокинули умышленно.

Сержант мгновение молчал. Опыт уже научил его – пренебрегать замечаниями Вэнса нельзя; и должен признаться, когда я смотрел на лежащую на краю стола и достаточно удаленную от всего беспорядка в комнате лампу, аргументы Вэнса казались очень вескими. Я усердно старался включить лампу в воспроизведенную нами картину убийства, но не мог этого добиться.

– Что еще противоречит общей картине? – спросил, наконец, Хэс.

Вэнс указал сигаретой на стенной шкаф в гостиной.

– Мы могли бы на минутку заняться положением этого шкафа, – беззаботно предложил он. – И вы бы заметили, что, хотя дверь у него распахнута, ничего внутри не тронуто. И это, пожалуй, единственное непотревоженное место в квартире.

Хэс подошел к шкафу, заглянул внутрь.

– Да, я согласен, что это странно, – признал наконец он.

Вэнс лениво последовал за ним и теперь стоял, пристально вглядываясь через его плечо.

– Ого, – сказал он внезапно, – ключ торчит с внутренней стороны. Однако это забавно. Нельзя запереть дверь шкафа, когда ключ внутри, не правда ли?

– Ключ может и ничего не значить, – многозначительно заметил Хэс. – Может быть, дверь не была заперта. Во всяком случае, мы это скоро выясним. Там нас ждет горничная, и я впущу ее, как только капитан кончит работу.

Он повернулся к Дюбуа, который завершил свои поиски в спальне и осматривал сейчас рояль.

– Все еще ничего?

Капитан покачал головой.

– Перчатки, – коротко ответил он.

– То же самое и здесь, – хмуро сказал Беллами, стоявший на коленях возле письменного стола.

Вэнс, сардонически улыбаясь, отошел к окну, где стоял и спокойно курил, как будто весь его интерес к этому делу успел уже испариться.

В этот момент дверь из главного холла открылась, и вошел невысокий худощавый человек с седыми волосами и жидкой бородкой, который остановился, мигая от солнца, ударившего ему прямо в глаза.

– Доброе утро, профессор, – приветствовал его Хэс. – Рад вас видеть. У меня есть кое-что по вашей части.

Инспектор Бреннер был одним из тех незаметных, но способных и опытных экспертов, которые связаны с Нью-Йоркским департаментом полиции и постоянно дают консультации по трудным техническим вопросам, но имена и заслуги которых редко появляются в печати. Он специализировался на замках и орудиях взлома, и вряд ли среди самых дотошных криминалистов Лозаннского университета нашелся бы человек, который мог более точно расшифровать следы, оставленные взломщиком. Внешне и манерами он напоминал старенького профессора колледжа. Его черный костюм был старомодного покроя, он носил очень высокий жесткий воротничок, как патер, с узким черным галстуком. Очки в золотой оправе были с такими толстыми стеклами, что зрачки его пронизывающих глаз казались совсем рядом с вами.

Когда Хэс заговорил с ним, он продолжал стоять на месте и посматривал вокруг; казалось, что он совершенно не замечал никого в комнате. Сержант, очевидно привыкший к странностям маленького человека, не стал дожидаться ответа и направился прямо в спальню.

– Сюда, пожалуйста, профессор, – льстивым голосом позвал он, подходя к туалетному столу и приподнимая ларчик для драгоценностей. – Взгляните на это и скажите мне, что вы видите.

Инспектор Бреннер прошел за Хэсом, не глядя по сторонам, и, взяв ларчик, молча отошел к окну и принялся его рассматривать.

Вэнс, интерес которого, казалось, пробудился вновь, вышел вперед и стоял, наблюдая за ним.

Маленький эксперт рассматривал ящик целых пять минут, близко поднеся его к глазам. Потом он поднял глаза на Хэса и часто заморгал.

– Открывая этот ларец, пользовались двумя инструментами. – У него был тихий тонкий голос, но в нем слышалось непререкаемое достоинство авторитета. – Одним погнули крышку и поцарапали эмаль. Другим был, я бы сказал, стальной резец, им сломали замок. Первым тупым инструментом пользовались неумело, под неправильным углом, и всех усилий хватило лишь на то, чтобы погнуть выступающий край крышки. Но стальной резец с полным знанием дела был приложен к точке, где минимума усилий, приложенных к рычагу, оказалось достаточно, чтобы сорвать замок.

– Профессиональная работа, – предположил Хэс.

– В высшей степени вероятно, – ответил инспектор, опять заморгав. – Взлом замка произведен профессионалом. И инструмент, которым он пользовался, был специально приспособлен для этих незаконных целей.

– Можно было сделать это при помощи такой штуки? – Хэс протянул кочергу.

Инспектор пристально взглянул на нее и повертел в руках.

– Это могло быть инструментом, погнувшим крышку, но сломать им замок невозможно. Чугунная кочерга сломалась бы под большим давлением, потому что ящичек сделан из восемнадцатикалибровой стали холодного проката с внутренним цилиндрическим замком. Рычагом, которым сняли крышку, мог быть только стальной резец.

– Ладно, все в порядке. – Хэс, казалось, был совершенно удовлетворен заключением инспектора Бреннера. – Я отправлю ящик к вам, профессор, и вы дадите мне знать, если обнаружите что-нибудь еще!

– Я заберу его с собой, если не возражаете.

И маленький человечек, засунув ларец под мышку, вышел, волоча ноги, не сказав больше ни слова. Хэс усмехнулся, обернувшись к Маркхэму:

– Забавная птица, он счастлив только тогда, когда измеряет следы отмычек на дверях и всяких вещах. Он даже не мог подождать, пока я отправлю ему ящичек. Он будет бережно держать его на коленях всю дорогу в метро, как мать ребенка.

Вэнс все еще стоял у туалетного стола, озабоченно глядя в пространство.

– Маркхэм, – заговорил он, – с этим ларчиком происходило что-то совершенно необычайное. Это необъяснимо, нелогично – это безумно. Это чертовски запутывает дело. Этот стальной ящичек просто не мог быть взломан профессиональным вором… и все же, знаете ли, так оно и было.

Не успел Маркхэм ответить, как довольное бормотание капитана Дюбуа донеслось до наших ушей.

– У меня тут есть кое-что для вас, сержант, – объявил он.

Мы с нетерпением двинулись в гостиную. Дюбуа склонился над краем столика розового дерева, почти позади того места, на котором было обнаружено тело Маргарет Оделл.

Дюбуа вынул распылитель, похожий на маленькие ручные мехи, и равномерно покрыл целый квадратный фут полированной поверхности стола. Потом он осторожно сдул лишний порошок, и на столе появилось отчетливое изображение человеческой руки.

Припухлость большого пальца и бугорки в тех местах, где соединяются пальцы, и вокруг ладони, выступали как крошечные круглые островки. Был ясно виден рисунок кожи. Фотограф сейчас же водрузил свою камеру на специальный треножник и, тщательно наведя фокус, сделал два мгновенных снимка с отпечатка руки.

– Отлично, – Дюбуа был доволен своей находкой. – Это правая рука – ясный отпечаток, а парень, который его оставил, стоял прямо позади дамы. И это

самый свежий отпечаток во всей квартире.

– А как насчет шкатулки? – Хэс указал на черную шкатулку из-под документов, на столе рядом с опрокинутой лампой.

– Ни единого следа – чисто вытерто. – Дюбуа начал укладывать свои принадлежности.

– Простите, капитан, – вставил Вэнс, – хорошо ли вы проверили внутреннюю дверную ручку этого платяного шкафа?

Капитан негодующе взглянул на Вэнса:

– У людей нет привычки хвататься за внутренние ручки шкафов. Они открывают и закрывают их снаружи.

Вэнс приподнял брови в деланом изумлении.

– Неужели? Как интересно… Но если человек находится внутри шкафа, он не может дотянуться до ручки с наружной стороны.

– Люди, которых я знаю, не запираются в стенных шкафах, – с тяжеловесным сарказмом возразил Дюбуа.

– Вы просто поражаете меня! – воскликнул Вэнс. – А все те люди, которых я знаю, имеют такую привычку – это для них нечто вроде ежедневного развлечения.

Маркхэм вмешался в спор:

– Что вы думаете насчет этого шкафа, Вэнс?

– Увы. Желал бы что-нибудь думать по этому поводу, – был печальный ответ. – Потому-то я и заинтересовался опрятным видом этого шкафа, что не могу увидеть в этом никакого смысла. Действительно, он просто артистически ограблен.

Хэс тоже не был совершенно свободен от смутных подозрений, беспокоящих Вэнса, потому-то он обернулся к Дюбуа и сказал:

– Вы могли бы осмотреть эту ручку, капитан? Как говорит этот джентльмен, с этим шкафом что-то неладно.

Дюбуа молча, с недовольным видом подошел к двери шкафа и покрыл своим желтым порошком ручку на внутренней стороне. Удалив лишние частички, он нагнулся над ней с увеличительным стеклом. Наконец он выпрямился и недружелюбно взглянул на Вэнса.

– На ней свежие отпечатки, это верно, – неохотно сказал он. – И, если я не ошибаюсь, их сделала та же рука, след которой остался на столе. На больших пальцах одинаковый рисунок, да и указательные очень похожи… Эй, Пит, – позвал он фотографа, – щелкни-ка тут пару раз.

Когда это было сделано, Дюбуа, Беллами и фотограф уехали. Через несколько минут, после взаимного обмена любезностями, отбыл инспектор Моран. В дверях он столкнулся с двумя людьми в белой униформе, которые приехали забрать тело девушки.

Глава 5

Дверь, запертая на засов

Вторник, 11 сентября, 10 часов 30 минут утра

Маркхэм, Хэс, Вэнс и я остались одни в квартире. Темные, низко плывущие облака заслонили солнце, мрачный, рассеянный свет усиливал трагическую обстановку. Маркхэм закурил сигару и стоял, облокотившись на рояль, с огорченным, но решительным видом. Вэнс подошел к картине, висевшей в гостиной, кажется, это была «Спящая пастушка» Буше, и глядел на нее с циничным презрением.

– Пухлые красотки, скачущие купидоны и ватные облака для царственных кокоток, – заметил он. Он питал глубокое отвращение к живописи эпохи французского декаданса во времена Людовика XV. – Интересно, какие картины вешали куртизанки в своих спальнях до изобретения этой живописи, с ее безоблачными небесами и кудрявыми овечками?

– В данный момент меня больше интересует, что произошло прошлой ночью в этой спальне, – нетерпеливо перебил его Маркхэм.

– Нечего ломать над этим голову, сэр, – ободряюще сказал Хэс. – Я думаю, что, когда Дюбуа проверит эти отпечатки по нашему регистру, мы будем знать, кто это сделал.

Вэнс лениво улыбнулся:

– Вы так доверчивы, сержант. Я в свою очередь думаю, что задолго до того, как прояснится все в этом трогательном случае, вы пожелаете, чтобы раздражительный капитан со своими порошками от насекомых никогда не обнаруживал бы этих отпечатков. Разрешите шепнуть вам на ушко, что лицо, оставившее воспоминание о своих руках на вот этом столе и на внутренней ручке шкафа, не имело ничего общего с поспешным отбытием мадемуазель Оделл в мир иной.

– Что вы подозреваете? – резко спросил Маркхэм.

– Ничего особенного, дружище, – мягко успокоил его Вэнс. – Я блуждаю в полной темноте, где столько же указательных столбов, сколько в межпланетном пространстве. Челюсти тьмы сжимают меня в сердце черной мертвой ночи.

Маркхэм раздраженно стиснул зубы, он был хорошо знаком с уклончивой болтовней Вэнса. Переменив тему разговора, он обратился к Хэсу:

– Вы опросили кого-нибудь из жильцов дома?

– Я разговаривал с горничной Оделл, с привратником и телефонистами, но не вдаваясь в подробности. Я ждал вас. Могу вам, однако, сообщить: то, что мне сказали, заставило меня призадуматься. Если они не откажутся от некоторых

своих показаний, то это очень важно.

– Пригласите-ка их сюда, – предложил Маркхэм, – горничную первую. – И он сел на табуретку у рояля спиной к клавиатуре.

Хэс встал, но, вместо того чтобы направиться к двери, подошел к окну.

– Тут есть одна штука, на которую я хотел бы обратить ваше внимание, сэр, прежде чем вы будете допрашивать этих людей. Это касается входов и выходов в эту квартиру. – Он откинул золотистую занавеску с окна. – Взгляните на эту железную решетку. Все окна квартиры, включая даже окно в ванной комнате, загорожены такими же железными прутьями. Они в восьми – десяти футах от земли, но кто бы ни строил этот дом, он позаботился, чтобы через окна воры не смогли бы сюда забраться. – Он опустил занавеску и прошел в переднюю. – Дальше. В квартиру можно войти только через дверь, выходящую в главный холл. Здесь нет ни вентилятора, ни внутреннего окна, ни грузового лифта, а это значит, что единственная дверь, через которую можно проникнуть в квартиру или выйти из нее – вот эта, помните это, сэр, все время, пока будете выслушивать этих людей… Ну, я сейчас позову горничную.

По приказанию Хэса сыщик ввел в комнату мулатку лет тридцати. Она была опрятно одета и производила впечатление смышленой женщины, но по тому, как она говорила, можно было заключить, что она получила более высокое образование, чем то, какое обычно получают лица ее класса. Ее имя, как мы узнали, было Эми Джибсон, и ее ответы на вопросы, которые задавал Маркхэм, сводились к следующему: в это утро она явилась в квартиру около семи часов и, как обычно, отперла дверь своим ключом, так как ее хозяйка вставала позднее. Раза два в неделю она приходила пораньше, чтобы переделать кое-что из платьев мисс Оделл. В это утро она пришла как раз рано. Как только она открыла дверь, ее поразил беспорядок, потому что двери в передней были распахнуты настежь, и почти в тот же миг она увидела тело своей хозяйки на тахте. Она сейчас же позвала Джессапа, телефониста, который дежурил ночью и находился на посту, и он, едва взглянув на тело, вызвал полицию. Затем она села в общей приемной и принялась ждать полицейских.

Ее показания были просты и бесхитростны. Если она волновалась или была возбуждена, то хорошо умела контролировать свои чувства.

– А теперь, – продолжал Маркхэм после короткой паузы, – вернемся к прошлой ночи. В котором часу вы оставили мисс Оделл?

– Без нескольких минут семь, сэр, – ответила женщина ровным бесцветным голосом, который, казалось, был характерным для ее манеры говорить.

– Вы всегда уходили в это время?

– Нет, вообще я уходила около шести. Но в прошлый вечер мисс Оделл хотела, чтобы я помогла ей одеться к обеду.

– Разве вы не всегда помогали ей переодеваться к обеду?

– Нет, сэр. Но в прошлый вечер она собиралась с каким-то джентльменом обедать и в театр и хотела особенно хорошо выглядеть.

– Ага, – Маркхэм подался вперед. – Кто же был этот джентльмен?

– Я не знаю, сэр, мисс Оделл не говорила.

– А вы не догадываетесь, кто бы это мог быть?

– Нет, сэр.

– А когда мисс Оделл сказала вам, что она хочет, чтобы вы пришли пораньше утром?

– Вечером, когда я уходила, сэр.

– Значит, она не подозревала никакой опасности и не опасалась своего спутника?

– Похоже на то. – Женщина умолкла, как бы взвешивая свои слова. – Нет, конечно, она ничего не боялась. Она была в хорошем настроении.

Маркхэм кивнул Хэсу:

– Хотите еще что-нибудь спросить, сержант?

Хэс вынул незажженную сигару изо рта и наклонился вперед, упираясь руками в колени.

– Какие драгоценности были на ней прошлым вечером? – грубовато спросил он.

Горничная сделалась холодной и несколько надменной.

– Мисс Оделл, – она выделила слово «мисс», как бы подчеркивая его неуважение к покойной, – надела свои кольца, пять или шесть, и три браслета – один из алмазов, другой из рубинов, третий из алмазов и изумрудов. На ней был также бриллиантовый кулон на цепочке, и она взяла платиновый лорнет, украшенный жемчугом и бриллиантами.

– У нее были еще какие-нибудь украшения?

– Может быть, какая-нибудь мелочь, но я не уверена в этом.

– И она держала их в стальном ящике в спальне?

– Да, когда не надевала. – В ее ответе было больше, чем намек на сарказм.

– А я думал, что она держала их взаперти, когда не надевала. – Неприязнь Хэса усугублялась поведением горничной, он не мог не заметить, что она все время опускала почтительное «сэр», отвечая ему. Он встал и хмуро указал на черную шкатулку для документов на столе из розового дерева – Видели вы это когда-нибудь раньше?

Женщина безразлично кивнула:

– Много раз.

– Где она обычно хранилась?

– Вот в этом бюро. – Движением головы она показала на булевское бюро.

– Что было в шкатулке?

– Откуда я знаю?

– Вы не знаете – вот как?! – Хэс выпятил челюсть, но его угрожающая поза не произвела на бесстрастную женщину впечатления.

– Да, не знаю, – спокойно повторила она. – Она была всегда заперта, и я не видела никогда, чтобы мисс Оделл ее открывала.

Сержант подошел к стенному шкафу.

– Видите этот ключ? – грозно спросил он.

Женщина снова кивнула, но на этот раз я уловил в ее взгляде легкое изумление.

– Этот ключ всегда находился внутри шкафа?

– Нет, он всегда торчал снаружи.

Хэс странным взглядом окинул Вэнса. Затем, после мгновенного мрачного обозрения ручки, махнул рукой сыщику, приводившему горничную:

– Отправьте ее обратно в приемную, Сниткин, и пусть она составит подробное описание всех драгоценностей Оделл. И не отпускайте ее еще некоторое время – она мне еще понадобится.

Когда Сниткин и горничная вышли, Вэнс лениво улегся на тахту, на которой он сидел во время беседы, и пустил дым сигареты в потолок.

– Довольно ясно, – заметил он. – Из сообщений смуглокожей мадемуазель мы знаем, что ключ шкафа находится не на той стороне, где ему полагается, и что наша приятельница ушла в театр с одним из своих ухажеров, который, очевидно, и доставил ее домой незадолго до того, как она рассталась с этим гнусным миром.

– Вы считаете, что это чему-то помогло? – голос Хэса звучал презрительно-торжественно. – Подождите, пока не услышите историю, которую рассказывает телефонист.

– Ладно, сержант, – нетерпеливо вмешался Маркхэм. – Давайте-ка подвергнемся этому испытанию.

– Я предлагаю, мистер Маркхэм, выслушать сперва привратника. И я скажу почему. – Хэс подошел к входной двери и распахнул ее. – Поглядите-ка сюда, сэр.

Он вышел в главный холл и показал на маленький проход налево, который был около десяти футов длиной и пролегал между квартирой Оделл и глухой стеной приемной. В конце его находилась массивная дубовая дверь, выходящая во двор сбоку дома.

– Эта дверь, – сообщил Хэс, – единственный боковой или задний выход из здания, и когда она запирается на засов, в дом можно войти только через парадную дверь. Сюда нельзя попасть и через другие квартиры, потому что все окна первого этажа защищены решеткой. Это я проверил сразу, как только приехал.

Он вернулся в гостиную.

– Ну и после того как я осмотрел тут все утром, – продолжал он, – я установил, что наш парень прошел через эту боковую дверь в конце прохода и проскользнул в квартиру так, что телефонист его не видел. Тогда я проверил, отперта ли дверь. Но она была заперта на засов изнутри – не на замок, а на засов. И это не скользящий засов, который можно сломать отмычкой или открыть снаружи, а тяжелый старомодный медный болт. Ну а теперь я хочу, чтобы вы послушали, что скажет об этом привратник.

Маркхэм покорно кивнул, и Хэс отдал приказ одному из полицейских в холле. Через минуту перед нами стоял пожилой флегматичный немец с угрюмым выражением лица. Он плотно сжал челюсти и подозрительно посматривал на нас.

Хэс сразу взял на себя роль инквизитора.

– Во сколько вы уходите отсюда по вечерам? – Он почему-то заговорил воинственным тоном.

– В шесть часов – иногда раньше, иногда позже.

Этот человек говорил грубовато, но монотонно. Он был явно недоволен непрошеным вмешательством в его рутинный уклад жизни.

– А во сколько приходите по утрам?

– Обычно часов в восемь.

– В котором часу вы ушли домой вчера вечером?

– Около шести, может быть, в четверть седьмого.

Хэс остановился и, наконец, зажег сигару, которую жевал уже почти час.

– Ну-ка, а теперь расскажите мне об этой боковой двери, – продолжал он с неменьшей агрессивностью. – Вы сказали мне, что запираете ее каждый раз перед уходом, – так?

– Да, это верно. – Привратник несколько раз утвердительно кивнул. – Только я ее не запираю, а закладываю на засов.

– Ладно, пускай на засов, – проговорил Хэс, и сигара прыгала у него в губах, дым выходил изо рта со словами. – И вчера вечером вы, как обычно, заперли ее на засов около шести часов?

– Может быть, в четверть седьмого, – поправил его привратник с немецкой пунктуальностью.

– А вы уверены, что заперли ее? – вопрос был задан почти свирепым тоном.

– Да, да. Конечно, я уверен. Я делаю это каждый вечер. Я никогда не забываю.

Его серьезность не оставляла никаких сомнений в том, что дверь действительно была заложена на засов изнутри около четверти седьмого в прошлый вечер. Однако Хэс обсуждал это еще несколько минут, чтобы совершенно убедиться. Наконец привратника отпустили.

– Нет, в самом деле, знаете, сержант, – заметил Вэнс с добродушной улыбкой, – этот честный немец действительно запер дверь.

– Конечно, запер! – взорвался Хэс. – И я сам нашел ее запертой еще в четверть восьмого утра. Этот факт так великолепно запутывает дело. Если эта дверь заперта с шести часов вечера до сегодняшнего утра, то я хотел бы, чтобы кто-нибудь явился с того света и рассказал мне, как приятель Канарейки пролез сюда ночью. И я бы также хотел узнать, как он отсюда выбрался.

– А почему бы не через парадную дверь? – спросил Маркхэм. – Это, кажется, единственный оставшийся нам логический вывод, в соответствии с тем, что говорит телефонист.

– А телефонист сидит, – задумчиво сказал Вэнс, – в главном холле, на полпути между парадной дверью и этой квартирой. По-моему, джентльмен, явившийся причиной всех здешних ночных событий, должен был пройти в двух шагах от него и при входе и при выходе.

– Верно, – выпалил Хэс. – А телефонист говорит, что никто не проходил и не уходил. – Он говорил с вызовом.

Маркхэму, казалось, пришлась не по вкусу раздражительность Хэса.

– Впустите этого парня и дайте мне его допросить, – приказал он. Хэс подчинился с некоторой злорадной поспешностью.

Глава 6

Призыв на помощь

Вторник, 11 сентября, 11 часов утра

Джессап сразу произвел на нас хорошее впечатление. Это был серьезный, решительный на вид человек лет тридцати, сдержанный, хорошо сложенный. Его прямые плечи наводили на мысль о военной службе. Он заметно прихрамывал, и я обратил внимание, что у него была согнута левая рука, словно в результате перелома локтя. Он был спокоен и несколько суров, глаза его смотрели умно. Маркхэм сразу предложил ему плетеный стул возле шкафа, но он отказался и стоял перед прокурором в мужественной позе почтительного внимания.

Маркхэм начал с нескольких вопросов личного характера. Выяснилось, что в Первую мировую войну Джессап был сержантом, был дважды ранен и отправился домой незадолго до окончания войны. Он работал здесь телефонистом больше года.

– Ну, Джессап, – продолжал Маркхэм, – есть обстоятельства, связанные со вчерашней трагедией, о которых вы можете рассказать?

– Есть, сэр.

Не было никакого сомнения в том, что бывший солдат точно расскажет нам все, что знает, и если сам будет не уверен в правильности того, что рассказывает, то честно скажет нам об этом. Он обладал всеми качествами точного и правдивого свидетеля.

– Прежде всего, когда вы встали на дежурство вчера вечером?

– В десять часов, сэр.

Никаких оговорок к этому заявлению не требовалось, чувствовалось, что Джессап точно явился к этому часу.

– Это мое короткое дежурство. Мы чередуемся с человеком, который дежурил днем, и по очереди отбываем короткие и длинные дежурства.

– И вы видели, как мисс Оделл вернулась домой после театра?

– Да, сэр. Все прохолят мимо телефонного щита.

– Когда она пришла?

– Не позже чем в несколько минут двенадцатого.

– Она была одна?

– Нет, сэр. С ней был джентльмен.

– Вы знаете, кто он такой?

– Я не знаю, как его зовут, сэр. Но раньше я видел его несколько раз, когда он заходил к мисс Оделл.

– Я думаю, вы можете описать его.

– Да, сэр. Он высокий, чисто выбрит, носит коротко постриженные усы, на вид ему лет сорок пять. Он выглядит, если вы меня поймете, сэр, как состоятельный человек с положением в обществе.

Маркхэм кивнул.

– А теперь скажите мне: входил ли он вместе с мисс Оделл к ней в квартиру или сейчас же ушел?

– Он вошел вместе с мисс Оделл и пробыл там около получаса.

У Маркхэма блеснули глаза, и следующий вопрос он задал со скрытым волнением:

– Так, значит, он пришел около одиннадцати и оставался наедине с мисс Оделл до половины двенадцатого. Вы уверены в этих фактах?

– Да, сэр. Все правильно, – подтвердил Джессап.

Маркхэм помолчал и подался вперед.

– Теперь, Джессап, подумайте, прежде чем ответить: заходил ли еще кто-нибудь к мисс Оделл в тот вечер?

– Никто не заходил, сэр, – был уверенный ответ.

– Почему вы так в этом уверены?

– Я бы их видел, сэр. Чтобы попасть в квартиру, им нужно было пройти около щита, сэр.

– А вы никогда не уходите со своего места? – спросил Маркхэм.

– Нет, сэр, – энергично заверил его Джессап, как бы протестуя против намека на то, что он может покинуть пост, находиться на котором его долг. – Если мне нужно зайти в туалет, то в приемной есть маленькая уборная, но я всегда держу дверь открытой и слежу, не появится ли на щите сигнал телефонного вызова. Даже если я нахожусь в уборной, никто не может пройти по холлу, чтобы я не увидел его.

Можно было легко проверить, что добросовестный Джессап ни на минуту не спускал глаз со щита, чтобы не пропустить вызова. Его серьезность и надежность были очевидны, и никто из нас, я думаю, не сомневался, что если бы у мисс Оделл был еще один гость прошлым вечером, то Джессап знал бы об этом. Но Хэс со свойственной ему дотошностью быстро поднялся и вышел из квартиры. Через минуту он вернулся, озадаченный, но удовлетворенный.

– Верно, – кивнул он, – дверь уборной на одной линии со щитом.

Джессап не обратил внимания на такую проверку его слов и стоял, внимательно глядя на прокурора, и ожидал дальнейших вопросов. В его спокойном поведении было что-то, вызывающее восхищение и доверие.

– Ну а вчера вечером, – спросил Маркхэм, – часто ли вы отлучались от щита и надолго ли?

– Только раз, сэр, и то на минуту-две. Но я все время следил за щитом.

– И вы подтвердите под присягой, что после десяти часов вечера никто не заходил к мисс Одесс и никто, кроме ее провожатого, не уходил от нее?

– Да, сэр.

Он явно говорил правду, и, прежде чем продолжать, Маркхэм что-то обдумывал несколько мгновений.

– А как насчет боковой двери?

– Ее запирают на всю ночь, сэр. Привратник закладывает ее на засов, когда уходит, и отпирает утром. Я никогда к ней не присматриваюсь.

Маркхэм откинулся назад и обратился к Хэсу.

– Ну что ж, – сказал он, – кажется, показания привратника и Джессапа затягивают петлю вокруг провожатого Оделл. Если, что вполне правдоподобно, боковая дверь была закрыта всю ночь и никто не проходил через главный вход, то похоже, что человек, доставивший ее домой, и есть тот, которого мы ищем.

Хэс засмеялся коротким невеселым смешком:

– Это все было бы прекрасно, если бы кое-что еще не случилось тут прошлым вечером. – Он повернулся к Джессапу: – Расскажите прокурору все остальное.

Маркхэм взглянул на телефониста с выжидательным интересом. Вэнс, приподнявшись на локте, внимательно прислушивался.

Джессап говорил ровным голосом, настороженно и тщательно, как солдат, рапортующий офицеру:

– Это было так, сэр. Когда джентльмен вышел из квартиры мисс Оделл около половины двенадцатого, он остановился возле моего щита и попросил вызвать такси. Я произвел вызов, и, пока он ждал машину, мисс Оделл закричала и позвала на помощь. Джентльмен повернулся и бросился к двери квартиры, а я быстро последовал за ним. Он постучался, ответа сначала не последовало. Когда он постучался еще раз и позвал мисс Оделл, спрашивая, что случилось, она сказала, что все в порядке и чтобы он шел домой и не волновался. Тогда он вернулся вместе со мной к щиту и сказал, что он думает, будто мисс Оделл заснула и увидела кошмар во сне. Мы поговорили несколько минут о войне, и тут подъехало такси. Он попрощался, вышел, и я услышал, как отъехала машина.

Было ясно, что такое окончание рассказа о спутнике мисс Оделл совершенно опрокидывало предположение Маркхэма. Он уставился в пол с расстроенным выражением и яростно затягивался дымом несколько мгновений. Наконец он спросил:

– Через сколько времени после того, как этот человек вышел из квартиры, вы услышали крик мисс Оделл?

– Примерно через пять минут. Я как раз соединился с бюро по вызову такси, а через минуту-две послышался вопль.

– Этот человек стоял возле щита?

– Да, сэр. Он даже опирался на него одной рукой.

– Сколько раз вскрикнула мисс Оделл? И что именно она кричала, когда звала на помощь?

– Она вскрикнула дважды, а потом закричала: «Помогите! Помогите!»

– А когда этот человек постучался к ней второй раз, что он ей сказал?

– Насколько я припоминаю, сэр, он сказал: «Откройте дверь, Маргарет. Что случилось?»

– А не можете ли вы припомнить поточнее, что она ответила?

Джессап поколебался и непроизвольно нахмурился.

– Кажется, она сказала: «Ничего не случилось. Простите, что я закричала. Все в порядке, идите, пожалуйста, домой и не беспокойтесь…» Конечно, может быть, это не совсем точно, но, во всяком случае, она сказала что-то очень похожее.

– Вы ясно слышали ее через дверь?

– Да. Тут двери не очень толстые.

Маркхэм встал и в раздумье заходил по комнате. Наконец, остановившись перед телефонистом, он задал новый вопрос:

– Вы не слышали больше никаких подозрительных звуков в квартире после того, как ушел этот человек?

– Ни звука, сэр, – ответил Джессап. – Но кто-то позвонил мисс Оделл по телефону минут через десять, и из ее квартиры ответил мужской голос.

– Что такое?.. – Маркхэм прямо взвился, Хэс широко раскрыл глаза и весь превратился в слух. – Расскажите мне как можно подробнее об этом звонке.

Джессап бесстрастно кивнул.

– Примерно без двадцати двенадцать на доске вспыхнула лампа вызова, и, когда я ответил, какой-то мужчина попросил соединить его с мисс Оделл. Я соединил. Через несколько секунд у нее сняли трубку – а я могу видеть, снята трубка или повешена, по показаниям контрольной лампочки, – и мужской голос ответил: «Хелло». Я отключился и, конечно, ничего больше не слышал.

Несколько минут в квартире царило молчание. Потом заговорил Вэнс, который пристально следил за Джессапом во все время разговора.

– Кстати, мистер Джессап, – спросил он, – не случалось ли вам самому, скажем, попадать под влияние чар мисс Оделл?

В первый раз с момента своего появления в комнате Джессап, казалось, почувствовал неловкость. Темный румянец залил ему щеки.

– Я считал ее очаровательной дамой, – решительно ответил он.

Маркхэм неодобрительно взглянул на Вэнса и отрывисто обратился к телефонисту:

– Это все пока, Джессап.

Джессап с достоинством поклонился и вышел, прихрамывая.

– Этот случай просто становится очаровательным, – пробормотал Вэнс, снова растягиваясь на тахте.

– Утешительно чувствовать, что кто-то от него в восторге, – Маркхэм говорил раздраженно. – А разрешите узнать, какие цели преследовал ваш вопрос, касающийся чувств Джессапа к убитой?

– О, просто случайная мысль, – ответил Вэнс. – И кроме того, немного оживляет обстановку.

Хэс, очнувшись от мрачного забытья, заговорил:

– У нас есть еще отпечатки пальцев, мистер Маркхэм. Я думаю, что они помогут найти нашего джентльмена.

– Но даже если эти отпечатки есть в картотеке Дюбуа, – сказал Маркхэм, – нам придется показать, как тот, кто их оставил, проник в квартиру прошлым вечером. Он, конечно, будет утверждать, что они оставлены задолго до убийства.

– Ну, во всяком случае, неоспоримо, – упрямо заявил Хэс, – что в квартире находился какой-то человек, когда Оделл вернулась из театра, и что оставался там, когда в половине двенадцатого ушел ее спутник. Это доказывают вопли женщины и ответ на телефонный звонок. А так как док Доремус говорит, что убийство произошло до полуночи, то никак не отвертишься от вывода, что дело

сделано парнем, который там прятался.

– Это как будто неопровержимо, – согласился Маркхэм. – И я склонен думать, что это был кто-то, кого она знала. Она, очевидно, вскрикнула, когда увидела его, но потом, узнав его, успокоилась и сказала человеку за дверью, что ничего не случилось… А потом он задушил ее.

– И можно предположить, – добавил Вэнс, – что он прятался в этом стенном шкафу.

– Верно, – согласился сержант. – Но меня интересует, как он сюда забрался. Телефонист, дежуривший днем и вечером до десяти часов, сказал мне, что единственным гостем Оделл был человек, заходивший к ней и пригласивший ее обедать.

Маркхэм раздраженно проворчал:

– Позовите сюда дневного сменщика Джессапа. Мы должны выяснить это дело. Кто-то проник сюда вчера вечером, и я буду здесь, пока не узнаю, как он это сделал.

Вэнс взглянул на него с насмешливым восхищением.

– Вы знаете, Маркхэм, – сказал он, – я не обладаю даром вдохновенного предвидения, но у меня странное неописуемое ощущение, как сказал бы начинающий поэт, что если вы действительно намереваетесь оставаться в этом растерзанном будуаре, пока не выясните, как таинственный незнакомец проник сюда вчера вечером, то вам было бы неплохо послать за своими туалетными принадлежностями и несколькими сменами белья, не говоря уже о пижаме. Парень, который организовал это убийство, обдумал свой приход и уход в высшей степени тщательно.

Маркхэм с сомнением взглянул на Вэнса, но ничего не ответил.

Глава 7

Неизвестный посетитель

Вторник, 11 сентября, 11 часов 15 минут утра

Хэс вышел в холл и вернулся в сопровождении дневного телефониста, болезненного на вид, худощавого юнца, которого звали Спайвли. Его почти черные волосы, оттенявшие бледность лица, были зачесаны назад и напомажены, у него были очень жидкие усики, вытянутые в шнурок тщательным образом. Одет он был с иголочки в костюм ярко-шоколадного цвета, чрезвычайно тесно облегавший его фигуру, и в розовую рубашку с жестким отложным воротничком, в ботинки на пуговицах, с замшевым носком. Он заметно нервничал и немедленно уселся на плетеный стул у двери, все время дотрагиваясь до безукоризненной складки на брюках и облизывая губы.

Маркхэм сразу приступил к делу:

– Насколько я понимаю, вы дежурили у щита в течение вчерашнего дня и вечера, вплоть до десяти часов. Верно?

Спайвли судорожно глотнул и кивнул:

– Да, сэр.

– В котором часу мисс Оделл отправилась обедать?

– Около семи. Я как раз послал в соседний ресторан за сандвичами…

– Она уходила одна? – прервал Маркхэм его объяснения.

– Нет. За ней зашел один малый.

– Вы знаете этого малого?

– Я видел его пару раз, когда он заходил к мисс Оделл, но я не знаю, кто он такой.

– Как он выглядел? – Маркхэм задал вопрос с нетерпеливой поспешностью.

Описание спутника девушки, которое дал Спайвли, совпадало с описанием человека, провожавшего ее домой, данным Джессапом, хотя Спайвли был более многословным и менее точным, чем Джессап.

Очевидно, мисс Оделл ушла в семь и вернулась в одиннадцать с одним и тем же человеком.

– А теперь, – сказал Маркхэм, особенно выделяя свои слова, – я хочу знать, кто еще заходил к мисс Оделл в промежуток после ее ухода до десяти часов, когда ваше дежурство кончилось?

Спайвли был удивлен этим вопросом, он в недоумении поднял и свел свои низкие изогнутые брови.

– Я не понимаю, – пробормотал он, – как можно было зайти, когда ее не было?

– Но кто-то все-таки заходил? – сказал Маркхэм. – И он вошел к ней в квартиру и оставался там до одиннадцати часов.

Глаза юнца полезли на лоб, и рот широко открылся.

– Господи боже, сэр! – воскликнул он. – Так вот как ее убили! Ее поджидали в засаде.

Он резко остановился, внезапно осознав свое место в таинственной цепи событий, приведших к убийству.

– Но ведь никто не входил к ней в квартиру, пока я был на дежурстве, – испуганно выпалил он. – Никто. Я не отходил от щита с того времени, как она ушла, до конца смены.

– Мог кто-нибудь пройти через боковую дверь?

– Как? Она была открыта? – Спайвли был поражен. – Она никогда не бывает открыта вечером. Привратник запирает ее в шесть часов перед своим уходом.

– А вы не отпирали ее вчера вечером для чего-нибудь? Подумайте хорошенько.

– Нет, сэр. – Он убедительно покачал головой.

– И вы утверждаете, что никто не прошел в квартиру через парадную дверь после ухода мисс Оделл?

– Утверждаю. Я вам говорю, что ни разу не отошел от щита, и никто не мог пройти мимо меня, чтобы я этого не заметил. Был только один человек, который зашел и спросил ее…

– Ага! Так кто-то все-таки заходил! – воскликнул Маркхэм. – Когда это было? И как? Соберитесь с мыслями, прежде чем ответить.

– Да ничего особенного не было, – уверял его искренне запуганный юнец. – Просто малый, который вошел, позвонил в ее дверь и ушел обратно.

– Предоставьте нам судить, было тут что-нибудь особенное или нет. – Маркхэм говорил холодным повелительным тоном. – Когда он заходил?

– Около половины десятого.

– А кто он такой?

– Молодой парень, которого я видел несколько раз, когда он навещал мисс Оделл. Я не знаю, как его зовут.

– Расскажите мне подробно, как это было, – настаивал Маркхэм.

Спайвли опять с трудом вздохнул и облизал пересохшие губы.

– Было как будто так, – начал он с усилием. – Этот парень вошел и стал прохаживаться по холлу, я сказал ему: «Мисс Оделл нет дома». Но он сказал: «Я

все-таки позвоню, чтобы быть уверенным». В эту минуту мне понадобилось отвечать на вызов, и я ему ничего не сказал. Он позвонил у ее дверей и постучался, но ему, конечно, никто не ответил, и он сейчас же вернулся и сказал: «Кажется, вы были правы». Потом он дал мне полдоллара и ушел.

– Вы действительно видели, как он уходил? – в голосе Маркхэма послышались нотки разочарования.

– Конечно, я видел, как он уходил. Он остановился в парадном и закурил сигарету. Потом он открыл дверь и свернул в сторону Бродвея.

– Друг за другом с розы спадают лепестки, – послышался с тахты голос Вэнса. Он зевнул. – Очень интересная ситуация.

Маркхэму не хотелось расставаться с верой в преступные наклонности единственного посетителя, приходившего около половины десятого.

– Можете вы описать этого человека? – спросил он.

Спайвли выпрямился, и в его ответе послышался энтузиазм, показавший, что он обратил на посетителя особое внимание.

– Он хорошо выглядел, может быть, лет тридцати. На нем был вечерний костюм, шелковая рубашка и лаковые туфли.

– Что-что? – переспросил Вэнс с проворным энтузиазмом. – Шелковая рубашка под вечерний костюм? В высшей степени необычайно.

– О, все, кто любит хорошо одеться, носят их, – пояснил Спайвли со снисходительной гордостью. – Так модно одеваться на танцы.

– Что вы говорите – в самом деле? – Вэнс казался ошеломленным. – Я должен это проверить… А кстати, когда этот законодатель мод в шелковой рубашке остановился у двери, не достал ли он сигарету из длинного плоского серебряного портсигара, который вытащил из нижнего кармана жилета?

Юнец поглядел на Вэнса с восторженным изумлением.

– Откуда вы знаете? – воскликнул он.

– Простое совпадение, – объяснил Вэнс, возвращаясь в лежачее положение, из которого вышел при описании посетителя. – Большие металлические портсигары как-то очень вяжутся с шелковыми рубашками под вечерний костюм.

Маркхэм, явно раздраженный вмешательством Вэнса, резко перебил его, обратившись к телефонисту с просьбой продолжать описание.

– Волосы у него были гладко зачесаны назад, – продолжал Спайвли, – и довольно длинные, но пострижены по последней моде. У него были короткие усы, в петлице большая красная гвоздика, а на руках замшевые перчатки.

– Господи боже! – пробормотал Вэнс.

Маркхэм, которого неотступно преследовали мысли о ночных клубах, нахмурился и глубоко вздохнул. Наблюдательность Вэнса явно направила его мысли все в ту же сторону.

– Высокий или низкий был этот человек? – спросил он.

– Ну, не очень высокий – примерно с меня, – пояснил Спайвли. – Он довольно худощав.

В его голосе звучало еле уловимое восхищение, и я почувствовал, что юный телефонист видел в госте мисс Оделл свой полный идеал. Этот явный восторг в соединении с несколько утрированным костюмом юноши помог нам воочию увидеть перед собой посетителя мисс Оделл.

Когда Спайвли был отпущен, Маркхэм встал и заходил по комнате, окутавшись сигарным дымом, а Хэс сидел и, хмурясь, наблюдал за ним. Вэнс встал и потянулся.

– Увлекательная проблема, кажется, застряла, – заметил он. – Как проник сюда убийца прелестной Маргарет?

– Знаете, мистер Маркхэм, – прорвало вдруг Хэса, – я думаю, что этот парень мог явиться сюда днем, когда боковая дверь не была еще заперта. Оделл могла сама впустить его и спрятать, когда этот другой пришел приглашать ее обедать.

– Может быть, и так, – согласился Маркхэм. – Позовите-ка горничную еще раз, и мы попробуем это выяснить.

Когда женщина явилась, Маркхэм начал задавать ей вопросы о том, что она делала днем, и выяснил, что около четырех часов она уходила за покупками и вернулась в половине шестого.

– У мисс Оделл кто-нибудь был, когда вы пришли?

– Нет, сэр, – последовал быстрый ответ, – она была одна.

– Она не говорила, что кто-нибудь заходил?

– Нет, сэр.

– Ну, – продолжал Маркхэм, – а мог кто-нибудь спрятаться в квартире, когда вы уходили домой в семь часов?

Горничная была искренне изумлена и немного испугана.

– Где же он мог прятаться? – спросила она, обводя взглядом комнату.

– Мало ли мест, – сказал Маркхэм, – в ванной, в одном из стенных шкафов, под кроватью, за занавеской.

Женщина решительно покачала головой.

– Никто не мог здесь спрятаться, – заявила она. – В ванную я заходила раз шесть, а из шкафа в спальне я доставала платье мисс Оделл. Когда стемнело, я сама задернула все занавески. А что касается кровати, то она почти достает до пола и под нее нельзя залезть. – Я посмотрел на кровать и убедился, что это было совершенно верно.

– А шкаф в этой комнате? – в голосе Маркхэма слышалась надежда, но горничная снова покачала головой:

– Там никого не было, в нем я держала свое собственное пальто и шляпу, я сама их сюда положила и сама доставала, собираясь уходить. И я даже переложила сюда одно старое платье мисс Оделл перед уходом.

– И вы совершенно уверены, – снова повторил Маркхэм, – что никто не был спрятан в квартире, когда вы уходили?

– Совершенно, сэр.

– Вы не помните, случайно, когда вы открывали дверь шкафа, чтобы достать свою шляпу, ключ торчал снаружи или изнутри?

Женщина задумалась и поглядела на дверь.

– Он торчал снаружи, как всегда, – наконец сказала она. – Я точно помню, потому что зацепилась за него старым платьем, когда вешала его туда.

Маркхэм сдвинул брови.

– Вы говорите, что не знаете имени человека, с которым мисс Оделл обедала вечером. Вы можете назвать имена людей, с которыми она обычно встречалась?

– Мисс Оделл никогда не называла мне никаких имен, – сказала женщина. – Она была очень осторожна, даже скрытна. Видите ли, я обычно бывала здесь только днем, а ее знакомые джентльмены приходили по вечерам.

– И вы никогда не слышали от нее ни о ком, кого она боялась? О ком-нибудь, кого она имела причину опасаться?

– Нет, сэр… Хотя был у нее один человек, от которого она старалась отделаться. У него был плохой характер – я бы ему не стала доверять, – и я говорила мисс Оделл, чтобы она была с ним настороже. Но, кажется, она знала его уже давно и когда-то была с ним дружна.

– Откуда вы это знаете?

– Однажды, с неделю тому назад, – объяснила горничная, – я пришла после завтрака, а он был с ней в другой комнате. Они не слышали, что я пришла, потому что портьеры были опущены. Он требовал денег, а когда она попробовала отказать, стал угрожать ей. И она сказала что-то такое, из чего я поняла, что она давала ему деньги и раньше. Я чем-то загремела, и тогда они перестали спорить, и очень скоро вслед за этим он ушел.

– Как он выглядел? – спросил Маркхэм.

– Он был довольно худой – не очень высокий, – и я бы дала ему лет тридцать. И у него было, пожалуй, красивое лицо, но с неприятным выражением, и светло-голубые глаза, от которых мурашки ползли по спине. Он зачесывал назад волосы, и у него были маленькие светлые усики.

– Ого, – сказал Вэнс, – наш модник.

– Был он здесь еще? – спросил Маркхэм.

– Не знаю, сэр. Я его не видела больше.

– Это все, – сказал Маркхэм.

Женщина вышла.

– Не очень-то она помогла, – жалобно сказал Хэс.

– Как! – воскликнул Вэнс. – Мне кажется, удивительно помогла. Она пролила свет на некоторые неясные стороны дела.

– И какую же часть сообщенных ею сведений вы находите особо важной? – спросил Маркхэм с плохо скрытой досадой.

– А разве мы теперь не знаем, – ответил Вэнс, – что здесь никого не было, когда горничная отбыла вчера вечером?

– Я бы сказал, – возразил Маркхэм, – что этот факт нам не только не помог, а запутал дело еще больше.

– Да, пожалуй, это выглядит так сейчас. Но потом – кто знает – может оказаться самым важным обстоятельством, блестящей путеводной нитью… Далее мы выяснили, что кто-то явно прятался в шкафу и что, больше того, это произошло уже после ухода дуэньи, то есть после семи часов.

– Конечно, – кисло улыбнулся Маркхэм, – когда боковая дверь оказалась заперта, а в главном холле сидел телефонист, который клянется, что никто не проходил мимо него.

– Это несколько туманно, – грустно согласился Вэнс.

– Туманно! Это невозможно понять, – проворчал Маркхэм.

Хэс, который напряженно рассматривал внутренность шкафа, беспомощно покачал головой. – Чего я не понимаю, – задумчиво рассуждал он, – так это того, почему парень, который здесь прятался, не разметал здесь все, как он сделал это с остальной квартирой, когда вылез отсюда?

– Сержант, – сказал Вэнс, – вы попали в самую точку. Аккуратный нетронутый вид шкафа наводит на мысль о том, что грубое существо, терзавшее эту прелестную квартиру, не уделило этому шкафу достаточного внимания, потому что он был заперт изнутри, оно не могло его открыть.

– Ну-ну! – запротестовал Маркхэм. – Эта теория допускает, что прошлой ночью здесь находилось двое неизвестных.

Вэнс вздохнул:

– Увы! Я знаю, что это ужасно. Мы не можем поселить сюда логическим путем даже одного… Печально, не правда ли?

Хэс стал искать утешения в другом направлении.

– Как бы то ни было, – заявил он, – мы знаем, что франт в лакированных туфлях, который заходил сюда в половине десятого, был, вероятно, любовником Оделл и занимался тем, что вымогал у нее деньги.

– А каким же образом поможет этот несомненный факт рассеять тучи неизвестности? – спросил Вэнс. – Почти у каждой современной дамы есть скуповатый любовник. Было бы довольно странно, если бы тут поблизости не имелось такого юноши.

– Это верно, – возразил Хэс. – Но я скажу вам, мистер Вэнс, кое-что, о чем вы, может быть, и не знаете. Мужчины, от которых эти девочки теряют голову, обычно бывают отъявленными мошенниками – профессиональными преступниками, понимаете. Поэтому, зная, что эта была работа рук профессионала, я не могу без интереса узнать о том, что парень, который грозил Оделл и вымогал у нее деньги, слонялся тут вчера вечером… И вот что я вам скажу: по описанию он очень напоминает взломщиков высокого класса, которые болтаются в этих ночных кафе.

– Вы убеждены, таким образом, – мягко спросил Вэнс, – что эта, как вы ее называете, девочка связана была с профессиональным взломщиком?

Глава 8

Невидимый убийца

Вторник, 11 сентября, 11 часов 45 минут утра

Маркхэм подошел к окну и стоял, заложив руки за спину, глядя на маленький мощеный задний дворик. Через несколько минут он медленно обернулся.

– Насколько я понимаю, – сказал он, – положение сводится к следующему: мисс Оделл получает приглашение на обед и в театр от какого-то почтенного джентльмена. Он заходит за ней чуть позже семи, и они вместе уходят. В одиннадцать часов они возвращаются. Он входит в квартиру и остается там

полчаса. В половине двенадцатого он уходит и просит телефониста вызвать ему такси. Пока он ждет, девушка вскрикивает и зовет на помощь, но в ответ на его вопросы говорит, что все в порядке и просит его уехать. Приходит такси, и он уезжает. Через десять минут ей кто-то звонит, и из ее квартиры отвечает мужской голос. Наутро ее находят убитой, а квартиру ограбленной.

Он глубоко затянулся сигарой.

– Ясно, что, когда она вернулась вечером со своим провожатым, где-то здесь находился еще один мужчина, и ясно также, что девушка была жива после ухода ее спутника. Поэтому мы должны заключить, что убил ее тот человек, который уже находился в квартире. Это заключение подтверждается свидетельством доктора Доремуса, что убийство произошло между одиннадцатью и двенадцатью часами. Но так как ее спутник ушел в половине двенадцатого и говорил с ней после этого, мы можем точно определить время убийства – между половиной двенадцатого и двенадцатью… Вот что мы знаем из полных свидетельских показаний.

– Да, от этого не уйдешь, – согласился Хэс.

– Во всяком случае, это интересно, – пробормотал Вэнс.

Маркхэм, расхаживая взад и вперед, продолжал:

– Основные положения таковы: в семь часов, когда горничная уходила домой, в квартире никто не прятался. Значит, убийца проник в квартиру позже. Сначала давайте рассмотрим боковую дверь. В шесть часов – за час до того, как ушла горничная, – привратник заложил ее изнутри на засов, и оба телефониста яростно отрицают, что подходили к ней близко. Больше того, вы, сержант, нашли ее запертой сегодня утром. Следовательно, мы должны принять как факт, что дверь была заперта изнутри всю ночь и никто через нее не мог проникнуть в дом. Поэтому мы приходим к неизбежному выводу, что убийца шел через главный вход. Теперь давайте рассмотрим этот второй вход. Телефонист, дежуривший до десяти часов вчерашнего вечера, утверждает, что единственный, кто проходил через главный холл к квартире, был человек, позвонивший в квартиру, не получивший ответа и немедленно удалившийся. Другой телефонист, который дежурил с десяти часов вечера до сегодняшнего утра, с такой же настойчивостью утверждает, что никто не входил в парадную

дверь и не проходил мимо щита к квартире. Прибавьте к этому тот факт, что все окна первого этажа защищены решетками, что никто не может спуститься сверху, не оказавшись лицом к лицу с телефонистом, и вам будет ясно, что в настоящий момент мы оказались в тупике.

Хэс поскреб затылок и невесело засмеялся.

– А как насчет соседней квартиры? – спросил Вэнс. – Той, дверь которой находится прямо напротив прохода, – номер два?

Хэс покровительственно повернулся к нему.

– Я заглянул в нее сегодня утром прежде всего. Во второй квартире живет одинокая женщина, и я разбудил ее в восемь утра и обыскал квартиру. Ничего там нет. Во всяком случае, чтобы пройти к ее квартире, нужно точно так же миновать телефонный щит, а к ней никто не заходил и не уходил вчера вечером. Больше того, Джессап – а он неглупый малый – сообщил мне, что это тихая порядочная женщина и что они с Оделл даже не были знакомы.

– Вы так старательны, сержант, – пробормотал Вэнс.

– Конечно, – вставил Маркхэм, – можно было проскользнуть сюда из другой квартиры за спиной телефониста между семью и одиннадцатью часами и так же выскользнуть обратно после убийства. Но раз сержант Хэс не обнаружил там никого утром, то мы должны отвергнуть предположение, что преступник пользовался этой квартирой.

– Осмелюсь сказать, что вы правы, – равнодушно согласился Вэнс. – Но, Маркхэм, ваше освещение обстановки исключает для преступника возможность пользоваться любой другой квартирой. А он все же пробрался сюда, прикончил несчастную и исчез. Чудная маленькая проблема. Я бы не отказался от нее ни за что на свете.

– И напрасно, – мрачно произнес Маркхэм.

– Это просто загадочно, – продолжал Вэнс. – Тут не обошлось без спиритизма. Я начинаю подозревать, что этой ночью тут витал некий дух, производя довольно

ужасные опыты материализации… Послушайте, Маркхэм, могли бы вы возбудить дело против бестелесной эманации?

– Привидения не оставили бы тут отпечатков пальцев, – сердито проговорил Хэс.

Маркхэм перестал нервно шагать по комнате и раздраженно набросился на Вэнса:

– К черту! Это дурацкая чепуха. Какой-то человек проник сюда и выбрался обратно. Но что-то где-то не так. Либо горничная ошибается, когда говорит, что в квартире никого не было, когда она уходила, либо один из телефонистов спал и не признается в этом.

– Или кто-то из них лжет, – добавил Хэс.

Вэнс покачал головой:

– Горничная, мне кажется, вполне заслуживает доверия. А если бы было хоть малейшее сомнение в том, что кто-то прошел незамеченным через главный вход, эти ребята у телефонного щита охотно подтвердили бы, при настоящем положении вещей… Нет, Маркхэм, вам лучше всего подходить к этому делу, изучив как следует быт призраков.

Маркхэм заворчал в знак неудовольствия шутливости Вэнса.

– Расследование по этой части я предоставляю вам, с вашими метафизическими теориями и гипотезами.

– Но позвольте, – смеясь, запротестовал Вэнс, – вы же логически доказали, вернее показали, что прошлым вечером в квартиру никто не мог войти и выйти оттуда, а, как вы мне часто говорили, суд должен решать все дела, опираясь не на известные или подозреваемые факты, а на улики и свидетельские показания, но в данном случае свидетельские показания обеспечивают алиби всем человеческим существам, облеченным в телесную оболочку. То, что леди сама задушила себя, не очень вероятно. Если бы только это был яд – какое необычайное самоубийство вы бы имели… В высшей степени необдуманно было со стороны ее рокового гостя не воспользоваться мышьяком вместо собственных

рук.

– Ну ладно, он ее все-таки задушил, – заявил Хэс. – И я скажу вам, я бы поставил свои денежки на парня, который заходил сюда в половине десятого и не мог войти в квартиру. Хотел бы я потолковать с этой птичкой.

– В самом деле? – Вэнс закурил новую сигарету. – Я бы не сказал, судя по его описанию, что разговор с ним доставил бы большое удовольствие.

Глаза Хэса вспыхнули зловещим огоньком.

– Мы умеем, – процедил он сквозь зубы, – устраивать чертовски интересные разговоры с людьми, которые не пользуются репутацией завзятых остряков.

Маркхэм поглядел на часы.

– У меня есть срочные дела на службе, – сказал он, – а все эти разговоры ни к чему не приведут.

Он положил руку на плечо Хэса:

– Покидаю вас, чтобы двинуться дальше. Сегодня все эти свидетели снова будут у меня на допросе в прокуратуре – может быть, я смогу расшевелить их память хоть немножко. Вы наметили линию, по которой поведете расследование?

– По обыкновенному порядку, – уныло ответил Хэс. – Просмотрю бумаги Оделл и проверю их…

– Лучше бы вам съездить в бюро по вызову такси, – предложил Маркхэм. – Постарайтесь выяснить, кто был человек, уехавший отсюда, и куда он уехал.

– Неужели вы допускаете хоть на минуту, – спросил Вэнс, – что если бы он знал что-нибудь об убийстве, то остановился бы в холле и попросил бы телефониста вызвать такси?

– О, для меня это совершенно не важно, – Маркхэм говорил почти равнодушным тоном, – но девушка могла сказать ему что-нибудь, что наведет на след.

Вэнс насмешливо покачал головой:

– О долгожданная ясноглазая Вера, о чистая Надежда, ты невесомый ангел, парящий на золотых крыльях!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Заботливый друг (лат.).

2

Имеется в виду роман С. Ван Дайна «Дело Бенсона».

3

Прекрасно, старина! (фр.)

4

Идемте (фр.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/van-dayn_stiven/smert-kanareyki

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить